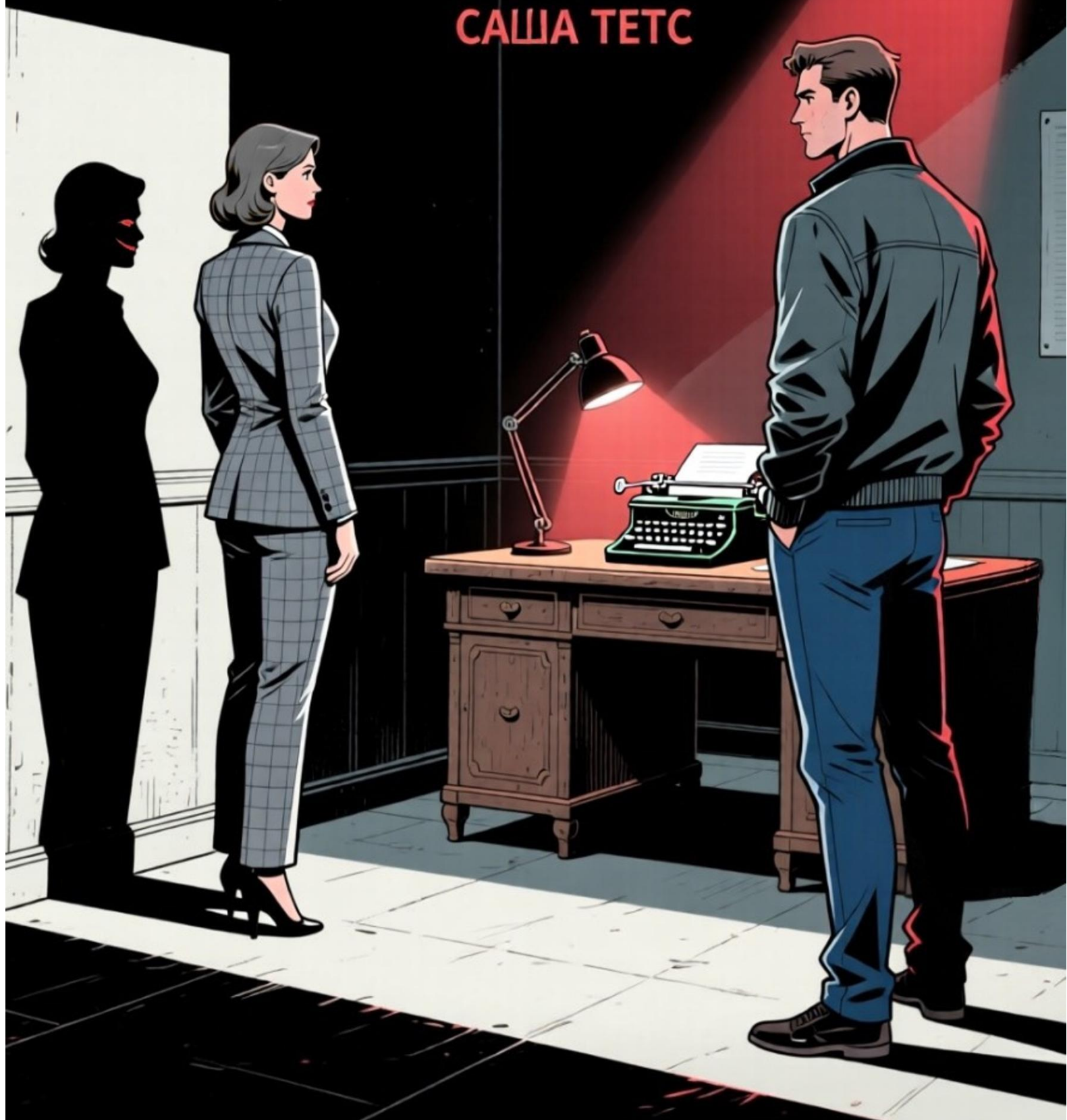

СЕМЬ ГРЕХОВ ШУТА

САША ТЕТС

Саша Тетс
Семь грехов Шута

«Автор»

2026

Саша Тетс

Семь грехов Шута / Саша Тетс — «Автор», 2026

У Бориса репутация идеального следователя, который распутает любое дело. Но однажды он сталкивается с таинственным частным детективом, у которой нет приметной внешности, нет прошлого, нет даже имени. Только прозвище – Шут. Им предстоит расследовать семь преступлений, связанных со смертными грехами, и каждый из них стремится найти преступника раньше другого. Ведь каждый преследует свои цели. А из-за плеча Шута ухмыляется таинственная тень с жуткими алыми глазами. Почему же детектив и следователь не могут перестать соперничать? Что связало их нерушимыми узами? Каждое раскрытое дело даст подсказку к тому, что скрыто даже от них самих.

© Саша Тетс, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Зависть	5
Жадность	35
Гнев	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Саша Тетс

Семь грехов Шута

Зависть

Борис плотнее закутался в форменный пиджак, отхлебнул большой глоток из одноразового стаканчика и поморщился: за несколько минут кофе стал едва тёплым. Латте из ближайшей столовой никто из участка не рискнул бы назвать вкусным, но очень хотелось чего-нибудь горячего. Одинокая тепловая пушка не справлялась с октябрьским холодом, который пробирался в кабинет через щели в старых деревянных рамах. А вчера ещё и единственный чайник сторел. Работники следственного комитета попрятались по своим кабинетам и заперли двери, чтобы не выпускать жалкие крупицы тепла. Коридоры опустели, только, как голодный зверь, завывал где-то в глубине сквозняк. Здание казалось вымершим и ждало, когда включат отопление.

— Ладно, чёрт с ним, с кофе. Работа не ждёт, — пробурчал себе под нос Борис и потянулся за одним из толстенных томов дела о мошенничестве.

Быстрые шаги эхом отдались в гулком коридоре, приближаясь к кабинету. Хлипкая дверь распахнулась, грохнула о косяк и низко возмущённо загудела.

— Борька, нужна твоя помощь! — в кабинет ввалился Денис, старший следователь из кабинета этажом ниже. Он тяжело дышал, пивной живот забавно колыхался над стянутыми широким ремнём брюками, а уже заметная лысина на макушке влажно блестела. — У нас ЧП!

— Что случилось? — Борис демонстративно вздохнул, закрыл грязно-белую папку и осуждающе зыркнул на коллегу: — И дверь закрой, не пускай холод.

— Из роддома ребёнка вынесли, а там мать — блогерша, начальство всполошилось, понимает, что за огласка будет, требует результатов здесь и сейчас! — зачастил Денис, пытаясь половчее извернуться в крошечном, заваленном бумагами кабинете. — Мы подозреваемую взяли, в допросной сейчас, но не колется! Можешь её разговорить? Ну, как ты умеешь.

— Знаю я эти приколы. Хотите дело на меня спихнуть?

— Да, блин, ты вечно мне тот случай припоминать будешь? Случайно тогда вышло, случайно! Ну, Борька, помоги, а? Я своё имя в протокол впишу, ты только вопросы задавай!

— Ладно, — Борис нехотя поднялся с офисного кресла и выключил пушку. — С тебя кофе. Хотя я всё равно не понимаю, чем мои вопросы от ваших отличаются.

— Я тоже не знаю, вроде всё стандартно, мы одно и то же всегда спрашиваем, но тебе преступники всё как на духу готовы выложить!

Денис сделал шаг, запнулся о низкий порог и едва ли не кубарем вывалился из кабинета. Старый подоконник помог ему сохранить равновесие и натужно заскрипел, вторя ремню из коззама, который грозился лопнуть. Борис неспешно выплыл следом, мягко ступая по выцветшему линолиуму. В отличие от тучного коллеги, молодой следователь мог похвастаться телом атлета-олимпийца.

На шум из-за двери ближайшего кабинета выглянуло круглое женское лицо в ореоле мелких кудряшек. Вчерашняя студентка окинула Бориса мечтательным взглядом и томно вздохнула, оценив точёную фигуру, пронзительные зелёные глаза и уложенные в модную причёску волосы «цвета расплавленного бельгийского шоколада», как любили выражаться дамы из бухгалтерии. Но подойти девушка не рискнула, потому что на Бориса засматривалась вся женская часть следственного комитета, полиции, суда и прокуратуры. В конце-концов, красивые следователи с репутацией лучшего работника и потрясающими карьерными перспективами на дороге не валяются.

Борис был идеален во всём. Слишком идеален.

Когда он вошёл в холодную допросную, полицейские почтительно замолчали и расступились, чтобы пропустить Бориса к подозреваемой. Болезненно-бледная девушка в униформе медсестры сидела на жёстком неудобном стуле, запустив пальцы в тёмные волосы. Она как заведённая повторяла: «Я не виновата, я не виновата,» — и покачивалась из стороны в сторону. Секундная стрелка на старых часах за её спиной ритмично дёргалась, но не могла преодолеть невидимый барьер и оставалась на месте.

Взяв бланк допроса, Борис сел за стол напротив подозреваемой. Часы щёлкнули, словно вправился заевший механизм, и стрелка двинулась вперёд. Медсестра встрепенулась и подняла на следователя карие глаза.

— Здравствуйте, Лидия Михайловна, — начал Борис, натянув на лицо дружелюбную улыбку и стараясь не стучать зубами от холода. — Я старший лейтенант юстиции Карпатов, уполномочен допросить Вас по делу о недавнем похищении ребёнка. Вы будете сотрудничать со следствием? — он подался вперёд и, глядя медсестре в глаза, понизил голос: — У меня нет цели обвинять Вас, Лида, я хочу узнать правду. Расскажите?

— Да... — чуть слышно прошептала та, в тёмных глазах мелькнула затаённая надежда. — Я...

Лязгнула дверь в соседнюю допросную, в коридоре раздались шаги и приглушённые голоса. Лида вздрогнула, моргнула и её взгляд неуволимо изменился, став осмысленным и пытливым.

— Я хочу позвонить адвокату, — твёрдо потребовала она.

— А ещё чего!.. — Денис, который и без того был на нервах, подскочил к столу и ударил по нему кулаком, но Борис не дал ему договорить.

— Ваше право, — он ткнул коллегу локтем в бок и сделал «страшный взгляд». Повернувшись к полицейским, Борис попросил: — Вызовите государственного защитника.

Один из полицейских с видимой неохотой подчинился. Он шаркающей походкой удалился, едва переставляя ноги, и в допросной повисла тишина. Борис расслабленно откинулся на спинку стула и не проявлял ни малейшего беспокойства, будто заранее продумал каждый шаг и был уверен в победе. Денис всем своим видом показывал, насколько сильно обижен за то, что ему не дали высказаться, и пыхтел в углу, как злобный чайник.

Лида упрямо смотрела перед собой, сцепив посиневшие от холода пальцы в замок. Часы за её спиной снова замерли.

В дверь постучали, створка распахнулась как от порыва ветра. В допросную пахнуло жаром, в воздухе разнёсся запах горелых спичек. На пороге появилась расплывчатая серая фигура.

Она сделала шаг внутрь и приобрела чёткие линии, стало понятно, что это просто невысокая худая женщина в брючном костюме. Мелкая монохромная клеточка рябила в глазах и создавала иллюзию рассеянного ореола, а коротко стриженные серо-русые волосы только усиливали эффект.

— Я буду вашим защитником, — тихий голос прокатился по небольшой комнате как шорох прошлогодних листьев.

— А вы, собственно, кто? — Борис нашёл в себе силы заговорить, остальные только вытаращились на странную посетительницу и смотрели в одну точку.

— Я буду представлять интересы подозреваемой, — женщина прошла в допросную и мягко опустилась на третий стул, которого никогда не было в крошечной комнате. Грязно-серые глаза пыливо уставились на Бориса. — Можете называть меня Шут.

Борис открыл было рот, чтобы возмутиться — это определённо была какая-то самозванка, непонятно как прошедшая через охрану. Он знал по именам и в лицо большинство адвокатов, которых могли прислать на защиту, да и кто бы поверил, что защитник приедет

через пару минут? Когда первый звук почти сорвался с губ, Борис ощутил, что не может произнести ни слова. Они просто отказывались выходить изо рта, а горло как будто сжала изнутри чья-то невидимая рука. Он был не способен говорить, двигаться, даже мысли странным образом смешались и выстроились уже по-новому, как по прописанному сценарию...

Борис ощутил, как змеёй прополз между лопатками противный липкий холодок. Лицо Шута выглядело донельзя заурядным, как будто все усреднённые черты собрали в одной внешности. На худом лице неопределённой формы не было ни единой родинки или пятнышка, миндалевидные в один момент глаза внезапно становились раскосыми, стоило лишь повернуть голову; нос не имел ни горбинки, ни выдающегося кончика. Ни одной приметной детали. Человек, мимо которого пройдёшь и не запомнишь, даже намётанный взгляд следователя не находил, за что бы ухватиться и соскальзывал. Борис с неудовольствием понял, что не смог бы составить фоторобот Шута или опознать её.

— Вы адвокат? Или частный детектив? — оживилась Лида. Ей было не до долгих размышлений, она хваталась за любую веревочку, которая могла вывести на свободу.

— Называйте, как хотите. Если угодно, буду детективом.

— Спасибо! У меня не так много денег, но я заплачу!

— Деньги меня не интересуют. В качестве оплаты я возьму грех похитителя.

— П-простите? Что возьмёте?

— Не думайте об этом.

— Так... Вы поможете мне?

— Как я уже сказала, я расследую это дело и укажу на преступника. На настоящего преступника.

Борис нахмурился. Многие его коллеги сочли бы такие слова выпадом против правоохранительных структур, но он сам собирался поступить точно так же: принципиальный следователь не успокаивался, пока не находился настоящий преступник. Даже когда все в участке были против, когда начальство требовало закрыть дело, Борис всегда стоял на своём. Все следователи работали сверхурочно — иначе не получалось с их загруженностью — но Борис переплюнул всех. Он пару раз даже оставался в кабинете на ночь и неизменно находил не какого-нибудь несчастного, который не смог оправдаться, а того, кто преступление совершил.

Были те, кто обожал его за это, были те, кто ненавидел, но с Борисом определённо считались.

— Я тоже не собираюсь спускать это дело на тормозах, — он высоко вскинул подбородок, с вызовом глядя на пришлого детектива. — Однако не думаю, что мы сработаемся.

— Мы не сработаемся, — безэмоционально парировала Шут. — Мы не станем работать вместе. Пусть цель у нас одна, но пути разные.

— Хотите потягаться со мной в том, кто первый найдёт преступника? — Борис оценивающе прищурился и поджал губы. — И не бойтесь, что это может оказаться ваша подзащитная?

— Не боюсь. Если так и случится, я укажу на неё. А теперь... Пора начинать.

Шут щёлкнула пальцами и Лида будто вынырнула из анабиоза.

— Я не виновата! — выкрикнула она. — Клянусь, я не выносила ребёнка из здания!

— В таком случае, расскажите свою версию. Что именно произошло сегодня ночью? — поспешно задал вопрос Борис. — Вы имеете право не свидетельствовать против себя, но я настоятельно рекомендую сотрудничать со следствием.

Он покосился на Шута, но та хранила молчание, а худое бледное лицо не выражало никаких эмоций. Оно вообще казалось плоским, будто дурно нарисованная гуашью и криво приклеенная маска. И только в глазах отражалось некое подобие жизни, но Борису становилось не по себе, когда он заглядывал в грязно-серую радужку, в глубине которой порой мелькали пугающие красные искры.

Такое чувство испытываешь, когда подбираешься слишком близко к грани, отделяющей настоящего человека от того, кто им лишь притворяется. Борису однажды довелось побывать на выставке роботов, где изобретатели мерились тем, кто ближе подобрался к тому, чтобы машину сделать антропоморфной. И чем более похожим был робот, тем сильнее хотелось сорвать с него слой латекса, чтобы обнажить спрятанные под маской провода и палаты. Борис был уверен, что давно забыл всё, что услышал в тот день, но название «эффект зловещей долины» само собой возникло в голове. Внешне следователь не находил, к чему бы придаться, но глубоко внутри содрогался всякий раз, когда смотрел на детектива.

Лида поочерёдно взглянула на Бориса, на Шута и, громко сглотнув, начала говорить:

— Сегодня меня оставили дежурить в ночь, хотя была не моя очередь. Я удивилась, обычно у нас такого не происходит, но с главным врачом спорить нельзя, поэтому я осталась, хотя мне с утра нужно было ещё на учёбу. Сначала просто сидела на посту, вызовов не было, я бумаги заполняла. Потом пошла в третью палату, там женщине плохо стало, поднялось давление. Я ей укол сделала и предложила пока унести ребёнка, чтобы она могла отдохнуть. Детская палата у нас находится рядом в постом медсестры, чтобы легче было за малышами приглядывать, там же в основном лежат те, у кого проблемы со здоровьем, остальных мы сразу с мамами оставляем. И я, значит, иду с ребёнком, а возле окна стоит Булавка и...

— Булавка — это никнейм матери пропавшего ребёнка, которая известна в социальных сетях, — перебил Лиду Борис. — Но для протокола в дальнейшем называйте её по имени-отчеству, Элина Николаевна.

— Д-да... В общем, Элина Николаевна стояла у окна и пыталась его открыть, чтобы покурить, а у нас это запрещено, о чём я ей сразу сказала. Она рассердилась и ушла, но через несколько минут вернулась с ребёнком, сунула его мне в руки и сказала, чтобы я его положила в детскую палату.

На тёмные глаза навернулись слёзы, Лида шмыгнула носом и провела рукавом по глазам, размазав остатки туши. Шут пододвинула ей неизвестно откуда взявшийся стакан воды. Медсестра благодарно кивнула, сделала пару глотков и продолжила сбивчивый рассказ:

— Ну, что мне было делать, у нас слово клиента — закон. Я успокоила малыша, сменила ему подгузник и дала бутылочку, стала на руках качать. Надеюсь, что Элина Николаевна заберёт его, когда станет возвращаться, но она даже не взглянула на нас. Пришлось в детскую палату его отнести и в кувёз положить. Сама я за конторку вернулась, но скоро мне позвонил друг, он привёз учебники, чтобы я сразу пошла с дежурства на пары. Я до ординаторской дошла, врача предупредила, что ненадолго отойду, он буркнул: «Угу». Спустилась, взяла пакет, мы немного поговорили, и нужно было возвращаться. Прихожу я, а дверь в детскую палату приоткрыта, но я-то её закрываю всегда! Я к малышам кинулась и обнаружила, что один пропал! Ну, я сразу и врача подняла, и полицию вызвала! Они приехали, пару вопросов мне задали и сказали, что это я ребёнка похитила! А я же не дура! Стала бы я устраивать похищение в своё дежурство, да ещё и полицию вызывать!

— Практика показывает, что именно таким способом запутать следствие очень часто пользуются преступники, — парировал Борис. — Когда-то это даже работало.

— Но я этого не делала! — выкрикнула Лида, вскочив. — Зачем мне это?!

— Много вариантов. Продажа на усыновление, например. Или чтобы потребовать старый добрый выкуп.

Лида беззвучно открыла и закрыла рот, хлопнула длинными ресницами и тяжело осела на жёсткий стул. Борис сжал губы в тонкую линию и строго потребовал:

— Расскажите, с кем именно вы встречались в момент похищения, и объясните, почему в вашей квартире были найдены детские вещи.

— Говорю же, я к другу выходила, — уклончиво ответила медсестра, тёмные глаза беспокойно забегали. — А вещи мне сестра старшая прислала, у неё ребятишки из них как раз выросли. У меня и квитанция с почты сохранилась!

— Это не объясняет, зачем незамужней и бездетной девушке детские вещи, — парировал Борис.

— Ну... — Лида замялась и бросила быстрый взгляд на Шута.

Борис краем глаза заметил едва уловимое движение с той стороны, но, когда он повернул голову к пришедшему детективу, она уже опять сидела неподвижно, а лицо застыло нечитаемой маской. Худые руки расслабленно лежали на коленях, и только указательный палец левой мерно выстукивал ритм секундной стрелки.

— Моя подзащитная имеет право не отвечать на неудобные вопросы, — спокойно припечатала Шут, продолжая сидеть неподвижно. — Она плохо себя чувствует, поэтому я прошу остановить допрос.

— Здесь я решаю, когда прекращать допрос подозреваемой, — ощерился Борис, стиснув кулаки.

Зелёные глаза встретились с грязно-серыми. Тихое противостояние продолжалось не дольше минуты, и Борис отпрянул, словно его ударило током. Светлые ресницы неторопливо опустились, скрывая неясные алые блики в глубине зрачка, Шут ещё раз опустила палец, словно поставила невидимую точку, и больше не двигалась.

Денис, всё это время неподвижно стоявший возле стены, встрепенулся и поглядел через плечо Бориса на идеально заполненный прокол допроса.

— Ого, как ты быстро всё записал! Спасибо, выручил очень! — воскликнул старший следователь, всплеснув руками. — Я с таким делом впервые столкнулся, не знал, как и подступить, а ты быстро смекнул, что к чему!

— Я возьму у тебя это дело, — неожиданно для самого себя выпалил Борис. — У тебя и без того завал, тебе недавно отписали одно крупное дело. Я поговорю с начальством.

— Борька, да ты меня просто спасаешь! Я тебя весь месяц буду кофеём поить!

Борис мотнул головой. В голове вяло текли бессвязные мысли, сознание медленно заволакивали клочья тумана. Он не мог вспомнить, как заполнял бланк допроса, ведь единственную ручку всё это время сжимал в руке Денис. Не получалось вспомнить и лицо детектива, представившегося как Шут, хотя Борис обладал феноменальной фотографической памятью. И только рассказ медсестры отпечатался в голове, как тавро, поставленное калёным железом.

Некоторые детали казались подозрительными, они причиняли почти физическую боль, словно требовали скорее взяться за дело. «Нужно сообщить адвокату, что её подзащитная на сутки останется в участке, пока будем выходить в суд с мерой пресечения» — подумал Борис и повернулся к Шуту.

Третий стул бесследно исчез, как и детектив, чьего лица он не запомнил. Секундная стрелка на старых часах больше не двигалась. Подписанный бланк допроса лежал на столе.

А второй такой же осторожно сжимали худые пальцы. Злобный ветер, гуляющий по крышам высоток, не мог вынести вторжения на свою территорию. Он яростно выл, стремился оторвать клоч бумаги и скинуть вниз хрупкое тело. Но его когти, способные срезать верхушки деревьев, проходили сквозь серую фигуру, будто она не принадлежала этому миру.

У подножия высотки расположилось здание поменьше — частный родильный дом, из которого ночью похитили ребёнка. Потрёпанный дежурством и ночным происшествием Рамиль Асланович сидел в ординаторской, всем своим видом выражая недовольство миром в целом и устроенным полицейскими бедламом в частности. Небольшой кабинет, где с трудом умещались стол, стул и старый диван, превратился в настоящее поле боя, по которому

как минимум пробежалась кавалерия. Да и сам немолодой врач выглядел не лучшим образом: к ставшим уже родными синякам под глазами добавилось ещё и пятно зелёнки на половину смуглого лица. Белый халат валялся рядом бесформенной тряпкой, которая тихо покачивалась под потоком тёплого воздуха из обогревающей комнату сплит-системы.

Озорной лучик солнца запрыгнул на чашку, в которой медленно засыхали остатки кофейного жмыха, пробежался по столу и остановился на ладони Рамиля Аслановича. Могучая, похожая на медвежью лапу, рука зашевелилась, опёрлась о жалобно скрипнувший подлокотник, и врач поднялся во весь немалый рост. Рубашка хирурга затрещала в плечах.

— Рамиль Асланович, я могу с вами побеседовать? — раздавшийся с порога тихий голос заставил врача вздрогнуть и резко обернуться, взмахнув рукой.

Задетая кружка покачнулась, на секунду замерла на ребре, и вот-вот готовая упасть вдруг выправилась. Донце опустилось на стол, запахло жжёным кофе.

— Вы кто? — Рамиль Асланович недовольно нахмурился, глядя сверху вниз на женщину в деловом костюме. — У нас посещения строго по графику и их нужно согласовывать заранее. И уж тем более, нельзя находиться в больнице без сменной обуви и стерильного одноразового халата.

— Я детектив, расследующий дело о похищении ребёнка, можете звать меня Шут.

Слова об одежде Шут попросту проигнорировала, прошла вглубь ординаторской и уселась на стул. Рамиль Асланович сам не заметил как плюхнулся обратно на продавленный диван. Он только буркнул:

— Я уже всё рассказал полиции. Об исчезновении ребёнка мне Лида сообщила, я тогда только-только тяжёлые роды принял, сил никаких не осталось, руки аж тряслись. После такой встряски нужно прилечь на полчаса, сразу лучше становится, можно до конца смены дотянуть. Если что срочное, то меня вызывают, прибегаю.

— В эту ночь вызовов не было? — Шут пытливо прищурилась.

— Нет, на удивление спокойно всё проходило. Даже роженица, которую экстренно кесарили, нормально себя чувствовала.

— Получается, никто не видел, как отлучалась Лидия Михайловна? У неё было достаточно времени на совершение преступления?

— Ну... Наверное... Только однозначно не Лидка виновата, хорошая она девчонка, — пробасил Рамиль Асланович, глядя на Шута исподлобья. — Я сразу сержанту сказал, что не могла она ребёнка вынести, да он и слушать не стал. Мы, говорит, лучше вашего разбираемся. Так я ж на роль детектива и не претендовал, не моё это. Но одно знаю — Лидка из всего персонала детей больше всего любит. Как уж она о них заботится! Бывает, укол малышу поставить надо, я её зову, чтоб, значит, подержала на руках. Дети ж они такие, сразу чувствуют, кто добрый, успокаиваются.

— К детям в палату войти мог кто угодно? — Шут оценивающе прищурилась.

— Да вообще нет, у нас с этим жёстко, — покачал головой врач. — Там замок кодовый, вход только для персонала. Даже пациентки проходят в сопровождении.

— Кто из находившихся в здании в эту ночь знал код?

— Ну, точно знали я и Лида, — Рамиль Асланович почесал подбородок и добавил: — А, и мать пропавшего ребёнка, блогерша эта. Не знаю уж, на кой ей было знать код, да ещё и до того, как малыш родился, но она такую истерику поочередно главному врачу и владельцу клиники закатила, что ей продиктовали. Она, признаться, вообще не самая приятная особа, — понизил голос врач. — Настаивала, что хочет рожать именно у нас, а сама притащила акушерку из другой больницы.

— У вас это допускается?

— За деньги что угодно допускается, — Рамиль Асланович хмыкнул и недовольно поджал губы. — Владелец у нас на «инвестиции» падок, вот и позволяет любой бардак. Хотя про

саму акушерку ничего плохого сказать не могу, профессионал. В областном перинатальном центре работает и к нашей мегере умудрилась подход найти. Уже за одно это лично я готов этой героической женщине памятник поставить, у меня нервов не хватает растолковывать одно и то же по сорок раз, — врач закатил глаза и обратил внимание на часы. — О, если минут пятнадцать подождёте, то можете с ней встретиться, она придёт роженицу проверить.

— Хорошо, благодарю за помощь, — Шут поднялась с места.

— Да какая от меня помощь, — Рамиль Асланович смутился. — Вы, главное, правду раскопайте. Жалко Лидку.

— Я укажу на настоящего преступника, можете не сомневаться.

Шут прошла мимо врача. От маленькой фигуры пахло жаром и дымом, как будто пронесли рядом горящую спичку. Хлопнула дверь в ординаторскую, Рамиль Асланович моргнул и вынырнул из наваждения.

В маленьком кабинете было пусто. Часы стояли.

В коридоре сновали медсёстры и шустры санитарки: приближалось время посещений. Не замеченная никем фигура скользила между ними неслышно, будто вовсе не касалась гулко-го кафеля. Мелкая клеточка создавала неверную рябь в свете солнца, проникающего через большие окна, а глаза пугающе-цепко оглядывали приоткрытые двери палат.

Окно во всю стену позволяло смотреть на малышей из коридора. Шут приблизилась, почти коснулась стекла лбом. Горячее дыхание опалило прозрачную плёнку, но она не запотела, а прикосновение руки не оставило на ней следов.

Дети ощутили на себе пронзительный взгляд, некоторые беспокойно заворочались, двое заплакали. К палате тут же поспешила одна из медсестёр, но дорогу ей перегородили охранник и полицейский. Оба мрачнее тучи, наряженные в одноразовые халаты и бахилы, они задали несколько уточняющих вопросов, сверили имя медсестры со списком и только после этого позволили набрать код.

Медсестра приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы можно было войти, и та почти сразу захлопнулась, но неизвестно откуда взявшийся порыв ветра ударил в спину, оставив между лопаток пламенеющую отметину. Руки потянулись к ребёнку, проверили его состояние, удостоверились, что заплакал недоношенный малыш не от боли, а из-за мокрой пелёнки. Привычные движения выполнялись на автомате, пока взгляд скользил по стройным рядам кувёзов. В глубине карих глаз мелькнул алый отблеск, когда они обнаружили, что один из коробов выбивается из общего ритма. Он пустовал, но смятая простынка явно давала понять, что недавно там был малыш.

Полиция уже собрала все отпечатки пальцев с места преступления, но все они принадлежали работникам роддома. Обнаружили они и крошечный обрывок нитриловой перчатки, зацепившейся за острый край кувёза. Но ситуацию это не прояснило, ведь преступник хорошо подготовился. На следователей давили со всех сторон, требовали результат незамедлительно. Они делали всё возможное, отрабатывали самые разные версии, но пока безрезультатно.

А Шут знала, что сможет найти похитителя, только когда раскроет его грех. Только вот дети были слишком невинны, чтобы дать подсказку.

Медсестра глубоко вздохнула, вздрогнула и внимательно оглядела палату: пахло дымом. Но чувствительная сигнализация молчала, поэтому она успокоилась и продолжила обходить детей.

Отступив на шаг от прозрачного стекла Шут медленно моргнула, и её взгляд стал осмысленным. Она продолжила свой путь мимо дверей, ведущих в палаты. Возле одной из них сидел, уткнувшись лицом в собственные колени, представительный мужчина в изрядно мятом и испачканном зелёной деловом костюме с золотыми запонками, из-под рукава которого выглядывали «роллексы». Шут остановилась напротив, её цепкий взгляд прошёлся по скрюченной фигуре.

Мужчина выглядел старше своих лет, в тридцать с небольшим его виски уже изрядно поседели, между бровей и на лбу залегли морщины. Некогда стройное тело ещё пыталось сохранить красивую осанку, но слабеющие мышцы не выдерживали натиска жирной пищи, удобного ортопедического кресла в офисе и внедорожника с кожаным салоном. Удивительно, что у него ещё осталась мужская сила. Шут присела на корточки, вглядываясь в осунувшееся лицо: после переживаний бессонной ночи отец похищенного ребёнка превратился в жалкую тень себя самого.

Шут покосилась на часы и одними губами прошептала:

— Ещё не время.

Она поднялась во весь рост, так и оставшись незамеченной, и шуршащим сквозняком проскользнула в палату.

Безутешная мать стояла возле окна, стараясь поймать удачный свет для селфи. Свет никак не находился: косые лучи солнца делали предательски-заметными следы от недавних уколов, не справлялся даже плотный тональный крем. Губы, накрашенные модным оттенком «карамель» немного спасали ситуацию, но привычный идеальный образ пришлось дополнить фильтром.

— Дорогие, я... Я не знаю, как сказать такое! — суженный ринопластикой носик зашмыгал, быстро-быстро затрепетали нарощенные ресницы над светло-голубыми глазами. — Буквально вчера я делилась с вами радостью, что стала матерью замечательного малыша, а сегодня его отняли у меня! Моего любимого сыночка похитили, и я ничего не могу сделать, чтобы спасти его! Бедный мой малыш!

Пятнадцать секунд истекли. На видеозапись хорошо легла грустная фоновая музыка, стикер с плачущей рожницей и несколько подходящих хештегов.

Удовлетворённая проделанной работой, Элина плюхнулась на больничную койку и откинулась на подушки. Телефон разрывался от лайков и комментариев со словами сочувствия, даже пост про рождение ребёнка не получил таких охватов! Всё-таки были в похищении свои плюсы. Полные губы сложились в торжествующую усмешку.

— Элина Николаевна, я могу с вами поговорить? — тихий голос прозвучал неожиданно.

— Вы кто и как сюда попали?! — вскинулась Элина, поспешно делая грустное лицо. — Не подходите ко мне, а то я закричу!

— Если угодно, можете кричать, хотя это бессмысленно, никто не придёт, — интонация оставалась ровной. Ноги поднесли лёгкое тело к кровати, грязно-серые глаза вперились в почти неподвижное от филлеров лицо. — Можете называть меня Шут, я детектив, расследующий дело по похищении вашего ребёнка.

— Мой муж нанял вас?

От Шута не укрылось, как крепче сжались пальцы на телефоне последней модели. Элина идеально воплощала в себе образ картонной жены богача, заинтересованной лишь в собственной внешности и выполняющей функцию дорогого портмоне, в которое вкладывают деньги и хвастаются, у кого лучше. А потом заменяют на вещицу поновее, когда эта выйдет из моды. Такому аксессуару очень нужна тонкая золотая цепочка, которая создаст иллюзию того, что его не выбросят сразу, когда найдут замену. И ребёнок прекрасно с этой ролью справится. Тем более, мужчина за дверью искренне переживал за своего наследника.

А вот его жена смотрела на детектива настороженно, если не сказать затравленно. Шут оценивающе прищурилась:

— Можете рассказать, что произошло сегодня ночью? Я не работаю на вашего мужа, но сделаю всё, чтобы найти ребёнка.

— Не ищите его, — едва слышно прошептала Элина, её губы задрожали. Телефон выскользнул из тонких пальцев и мягко упал на простыни. — Не надо... У меня наконец-то появился шанс сбежать. Я его не упущу и не позволю помешать мне. Буду плакать, что после

потери ребенка даже глядеть на мужа не могу, уеду куда-нибудь подальше, якобы на реабилитацию. Мне удалось скопить немного денег, заплачу какому-нибудь врачу, чтобы написал, что я больше не могу иметь детей, и муж со мной разведётся.

— Вы так сильно этого хотите? — на мгновение показалось, что под безразличной маской Шута промелькнул отголосок эмоций.

— Да! — почти выкрикнула Эллина, вцепившись в собственные волосы. — Я не знала, что одержимость этого человека рождением ребёнка будет настолько ужасна! Толку от него как от мужчины никакого! Если вы найдёте младенца, будут огромные проблемы! Я только-только от него избавилась!

Часы на экране смартфона будто взбесились. Цифры беспорядочно переключались, порой показывали невозможные значения. Сцена, где мать должна искренне переживать за пропавшего ребёнка и умолять детектива найти его, шла не по плану.

«Стоп, забудь,» — мысленно приказала Шут.

Эллина замерла, моргнула и непонимающе огляделась. В палате она находилась одна. Часы бесстрастно показывали, что до времени посещения оставалось ещё пятнадцать минут. Следовало отрепетировать грустное выражение лица.

Рамиль Асланович уже передал пост сменщику и собирался уходить, когда в здание среди первых посетителей вбежала запыхавшаяся женщина. Она держала под мышкой белый халат, а в руке — чистые туфли. Пока остальные вяло натягивали бахилы, она сменила обувь, оставила уличную под конторкой регистратуры и поспешила вверх по лестнице, на ходу накидывая халат на тёплый кардиган.

— Рамиль Асланович, я только сейчас узнала! — крикнула она, увидев могучую фигуру врача у поста медсестры. — Новости есть уже?

— Нет пока, — пробасил Рамиль Асланович и кивнул куда-то вглубь коридора: — Там с вами поговорить хотят, Екатерина Андреевна, частный детектив пришёл.

— Конечно, я сейчас же подойду. Спасибо, Рамиль Асланович.

Екатерина Андреевна вежливо кивнула и двинулась в указанном направлении. Высокая фигура легко рассекала слабые потоки тёплого воздуха, исходящего от сплит-систем, только длинная светло-русовая коса раскачивалась в такт шагам. Полы халата трепетали за спиной как птичьи крылья, широкие и сильные. Екатерина Андреевна быстро заметила скрючившегося на стуле возле палаты мужчину, а напротив него — странного вида женщину в деловом костюме.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась она с незнакомкой. — Вы, я полагаю, и есть детектив, про которого говорил Рамиль Асланович? — дождавшись утвердительного кивка, она улыбнулась: — Хорошо. Очень хорошо. Меня зовут Екатерина Андреевна, я акушерка Эллиночки. Можете звать меня просто по имени, но сперва я с вашего позволения проведаю свою подопечную и дам успокоительных Геннадия Ивановичу.

Шут не проронила ни слова, лишь снова качнула головой вверх-вниз. Она отрешённо наблюдала, как Екатерина исчезает в палате и буквально через минуту выходит со стаканом воды. Из кармана халата появилась упаковка таблеток, и акушерка склонилась над мужчиной.

— Ну, Геннадий Иванович, — укоризненно заговорила она. — Что ж вы себя совсем не бережёте? Обычно успокоительные нервным мамочкам дают, а я всё ради вас их таскаю. Вот, возьмите.

Под носом у Геннадия Ивановича появились стакан с воды и таблетка на раскрытой ладони. Он моргнул и поднял отсутствующий взгляд сперва на них, потом на Екатерину.

— Спасибо, Катенька, — полуобморочным голосом произнёс Геннадий Иванович и выпил лекарство. — Ты уже слышала про наше горе?

— Да, Геннадий Иванович. Но вы не отчаивайтесь, малыша найдут. Может, пообщаетесь с детективом?

Екатерина указала на Шута, которая всё это время хранила молчание. Геннадий Иванович оценивающе оглядел её и неприязненно скривил лицо:

— Бабу прислали? А нормального кого-нибудь найти не могли? У меня вообще-то сын пропал, наследник! А этой самой место в роддоме!

Единственное выражение эмоций, которое позволила себе Шут — едва заметное поднятие брови. Однако подействовало оно лучше всяких успокоительных: Геннадий Иванович отшатнулся, будто натолкнулся на невидимую стену.

— Простите его пожалуйста, — встряла Екатерина, загородив собой раскрасневшегося от гнева и повышенного давления мужчину. — Геннадий Иванович порой бывает несдержан, но он очень переживает за ребёнка и просит его найти. Я, к сожалению, до сих пор не знаю вашего имени...

— Можете звать меня Шут. И мне абсолютно безразлично, кто и что обо мне думает. Мне лишь нужно найти преступника.

— Похвальное отношение к работе! — Екатерина улыбнулась. — У врачей так же: мы должны помочь пациенту независимо от его к нам отношения.

— Насколько я могу судить, вы весьма хорошо располагаете к себе людей, — Шут скрестила руки на груди и несколько раз постучала пальцем по сгибу локтя. — Настолько, что вас даже зовут принимать роды в частную клинику.

— На самом деле, с Эллиной случайно так получилось. Она изначально здесь и наблюдалась, этажом ниже только, но, когда ей в салоне красоты стало плохо, то скорая доставила к нам, в перинатальный центр. Угрозу выкидыша сняли, на всякий случай оставили беременную Эллину на сохранении на неделю. У меня тогда много дежурств выпало, поэтому мы часто пересекались. Я готовила документы, чтобы после выписки их сюда отправить, но Элина не захотела со мной расставаться. Мы с этой клиникой заключили какой-то хитроумный договор, над ним несколько юристов бились, но Геннадий Иванович постарался ради любимой жены. Два триместра беременности я вела, я же принимала роды.

— А после родов?

Шут пылливо уставилась на Екатерину, но та выглядела абсолютно расслабленной и спокойно ответила:

— Помыла малыша, на грудь матери положила. У нас инструкции жёсткие, всё по протоколу делаем. А когда маму и ребёнка отвезли в палату, домой отправилась, поздний вечер уже был. Геннадия Ивановича тоже мне пришлось выводить, уговаривать, что роженице нужен отдых. Он ещё предлагал вместе в кафе поехать, праздновать, но я так устала за день, что мечтала только вымыться и лечь спать. Поэтому Геннадий Иванович подвёз меня до дома и уехал по своим делам.

Чуть склонив голову к плечу, Шут цокнула языком:

— Какое у вас шикарное алиби на двоих!

Геннадий Иванович полностью оправдал расчёт: он взревел как укушенный бизон, вскочил, размахивая руками, и попытался ударить неугодного детектива.

Но обрюзгшее тело двигалось слишком медленно, Шут легко отступила в сторону, и слабый кулак прошёл мимо. Геннадий Иванович неловко сделал два шага вперёд и налетел на стену. Оценивающе прищурившись, Шут подняла руку и указательным пальцем дважды постучала по ровному слою белой краски. Грузное тело дёрнулось, будто от удара током.

Екатерина оказалась умнее. Она примирительно подняла раскрытые ладони и попыталась сгладить ситуацию:

— Геннадий Иванович, пожалуйста, успокойтесь. У детектива такая работа, что приходится во всём сомневаться. Вы ведь хотите найти своего малыша?

Слова о ребёнке подействовали на Геннадия Ивановича как ведро холодной воды на голову. Он отлепился от стены, отступил на несколько шагов назад и без сил плюхнулся на стул. Тот жалобно скрипнул, но выдержал и замер вместе с седоком.

Шут перевела взгляд на Екатерину и задала вопрос «в лоб»:

— Вы знали код от детской палаты?

— Нет, кто бы мне его сказал? — та только развела руками.

— Эллина, например, — не уступала Шут. — Она зачем-то спрашивала у персонала код.

— Только чтобы иметь возможность зайти к ребёнку в любое время. Это у неё первые роды, она очень волновалась. Я убеждала, что не нужно переживать, достаточно только держать под рукой документы, чтобы, когда отойдут воды, сразу поехать рожать. Но Эллина настояла на том, чтобы лечь в клинику за три дня до предполагаемой даты, хорошо, что Геннадий Иванович смог договориться с владельцем и имел возможность оплатить дополнительные дни здесь. Может быть, Эллина даже правильно сделала: у неё на день раньше роды начались, она под присмотром была. Рамиль Асланович очень хороший врач, говорят, раньше в перинатальном центре работал, но я его не застала уже.

— И всё же, это не объясняет зачем Эллине код. Ведь здоровые дети находятся в палатах с матерями, — продолжала гнуть свою линию Шут.

Екатерина вздохнула и, покосившись на неподвижного Геннадия Ивановича, тихо призналась:

— Была угроза проявления генетического заболевания. Не буду вас напрягать сложными названиями и терминами, но передаётся оно по отцовской линии, Геннадию Ивановичу повезло оказаться просто носителем. Девочки гарантированно выживают, но Эллина ждала мальчика... Очень повезло, что малыш здоровенький родился!

— А о похищении вы как узнали? Ведь спешили же сюда.

— Из блога Эллины, я на него подписалась давно, чтобы следить, не делает ли она чего опасного. У неё ведь вся жизнь в социальных сетях, я ещё до плановых осмотров всегда знала, какие жалобы будут.

— Кто по вашему мнению похитил ребёнка?

Шут задавала вопросы и не слушала ответы. Её интересовали не слова, а выражение лица, едва уловимые движения рук и предательские изменения в тембре голоса. Екатерина держалась молодцом:

— Думаю, дело в выкупе. Геннадий Иванович весьма обеспеченный человек, который давно ждал наследника. Похититель справедливо рассудил, что сможет просить большую сумму.

— Но письма с требованием выкупа не было.

— Тогда у меня нет идей, — Екатерина развела руками.

— Значит, на сегодня мы закончили, ведь время обеда уже истекло.

Минутная стрелка «роллексов» на руке Геннадия Ивановича дёрнулась и прыгнула на полчаса вперёд. Шут качнулась на пятках, отступила два шага в сторону и быстро исчезла среди санитарок.

Костюм в мелкую клеточку неверно рябил в отражении витрин. Люди текли мимо них, чёткие и живые, а серая фигура казалась окутанной дымкой, которая причудливо извивалась, сверкая красными глазами, и издевательски хихикала: «Поторопись, он уже наступает тебе на пятки. Ты же не хочешь проиграть?»

«Заткнись!» — мысленно выкрикнула Шут, спешно сворачивая в ближайшую прокурную арку между домами. Несколько школьников с цветными маркерами и баллончиками краски ринулись в разные стороны, как стайка вспугнутых птичек. Недописанное «Колька — дур...» осталось на свежеевыкрашенной коммунальщиками стене. Шут зацепилась взглядом за эту незамысловатую фразу и вредный голос в голове умолк.

Из арки Шут видела широкую шестиполосную дорогу, ведущую к роддому. Из среднего ряда перестроилась в крайний правый зелёная Лада Веста. Вот она ушла на дублёр и свернула на парковку. Шуту не нужно было приглядываться, чтобы понять, кто подъехал: Бориса не зря называли идеальным следователем. Стоит лишь раз оступиться, и он перехватит инициативу. А для Шута это означало бы абсолютный провал едва начатого дела. И вовсе не дела о похищении.

От жёсткой лавки ужасно болела спина, а холод забирался под костюм медсестры. Денис пожалел Лиду и дал ей одеяло, но оно было старое и тонкое, поэтому почти не помогало. Но Лида не жаловалась уже хотя бы потому, что находилась в самой дальней комнате для задержанных одна. В остальных сидело минимум по четверо.

Как за запертой решёткой появилась Шут, Лида заметить не успела. Она просто ощутила прикосновение горячего воздуха, а в следующий момент перед глазами появилась большая кружка горячего чая. Девушка подняла взгляд на детектива, покосилась на массивный замок, снова на детектива, и тёмные брови поползли вверх.

— Как вы смогли войти? — едва ворочая языком, просипела Лида. Её голос надломился, слова захлебнулись в кашле.

— Пейте, — вместо ответа Шут вложила ей в ладони кружку.

Лида инстинктивно обхватила горячие керамические бока пальцами и ощутила, как поднимается по рукам приятное покалывание. Пар обдал лицо, в нос пробрался приятный аромат зелёного чая и растопленного мёда. Посиневшие от холода губы осторожно прикоснулись к краю кружки. С первым же глотком сладость обволокла язык, живительное тепло перекачилось во рту, спустилось по горлу и растеклось от груди к каждой клеточке тела.

Шут оглядела Лиду. Медсестра медленно переставала напоминать замороженную рыбу, даже кровь к лицу прилила. Детектив устроилась на скамье напротив и несколько минут просто наблюдала. Её будто вовсе не заботил холод, который прочно поселился в каждом помещении участка.

Наконец, Шут решила, что Лида достаточно пришла в себя, и спросила без обиняков:

— Расскажите ещё раз, к кому именно вы спускались сегодня ночью и почему встреча заняла довольно много времени.

Напряжение повисло в воздухе. Лицо Лиды застыло нечитаемой маской, губы сжались в тонкую полоску, и она отчеканила коротко, словно боялась ошибиться:

— К другу спускалась. Он учебники привёз. А задержалась потому, что в туалет потом зашла.

— Лида, — Шут сцепила руки в замок и упёрла локти в колени, пытливо глядя на девушку перед собой. — Я вижу, что вы пытаетесь кого-то выгородить, но это сделает хуже в первую очередь вам. Я так или иначе найду того человека, с которым вы встречались в ночь похищения, но на это уйдёт больше времени. Вам так сильно нравится находиться в камере? Хотите продлить своё пребывание здесь?

— Не хочу, но... — Лида заколебалась, и Шут почти физически ощутила, как слабеет её воля.

— К тому же, СМИ ведь не дремлют. Прямо сейчас десятки, если не сотни журналистов пишут статьи, где выставляют вас похитительницей, ведь войти к малышам могли только вы, Рамиль Асланович и Эллина. Рамиль Асланович слишком уважаемый врач, чтобы сомневаться в его честности, мать ребёнка и вовсе никто не обвинит. Остаётся только медсестра, которая оказалась крайней. Презумпция невиновности у нас на словах существует, но оплату выдают только за свежие и скандальные новости. Вы ведь всегда хотели работать именно с детьми? Как думаете, с такой дурной славой вас подпустят к ним?

Тонкие пальцы сильнее сжали чашку, чтобы унять дрожь. Прошло несколько минут, прежде чем Лида рвано выдохнула, сделала глоток чая и прошептала:

— Я встречалась со своим парнем, его зовут Андрей, он иногда приходил ко мне на работу, когда выпадали ночные смены. Большого я не могу сказать: Андрей хочет стать политиком, значит, его девушка не может оказаться замешана в преступлении, ведь с таким пятном на репутации его же отовсюду выгонят...

— Вы что... готовы поставить его интересы настолько выше собственных?

— Но он так мечтал об этом... Он только со мной планами делился, а я всегда поддерживала его! А вчера после нашей встречи он на какое-то серьёзное заседание поехал, его признали и пригласили! — Лида улыбнулась мечтательно и немного отрешённо, словно мыслями ушла куда-то далеко.

— Тогда последний вопрос, — Шут вся подобралась, как хищник перед охотой. — Что вы чувствовали по отношению к Эллине и её ребёнку? Они Вас раздражали? Утомляли? Или быть может, вы завидовали Эллине?

— Нет, ничего такого... — Лида пожала плечами. — Малышей я люблю, они меня никогда не раздражали. А зависть... Чему мне завидовать-то? — протянула она и неосознанно погладила живот.

Грязно-серые глаза на мгновение сузились, кусочки паззла стали больше, постепенно складываясь в цельную картинку. Вот куда порой отлучалась молодая медсестра, и вот почему так много времени провела в туалете. Понимание вошло в мозг, раскалённой иглой пронзив висок — знак того, что Шут верно определила грех.

— Так, значит, всё-таки зависть... Ты не завидовала Эллине, но что насчёт неё? Желание вырваться из цепких рук — достаточный повод... — пробурчала Шут себе под нос и вернула внимание подзащитной: — Лида, я сейчас отправлюсь на встречу с Андреем и попробую убедить его дать свидетельские показания в вашу защиту. Как думаете, он готов защищать вас так же отчаянно, как Вы его? Ведь для него риск минимальный, с его показаниями обвинения в похищении с вас наверняка сразу снимут.

— Не нужно! Со мной всё в порядке, полицейские наверняка найдут доказательства того, что я не виновата! — Лида дёрнулась, несколько капель чая выплеснулись из кружки и попали на руку. Нежная кожа быстро покраснела: вода ничуть не остыла за время долгого разговора в холодной камере. — Андрей очень расстроится, если ему придётся участвовать в таком неприятном деле!

— Но вы ведь так и не признались, кто приходил, — губы Шута сложились в усмешку, которая криво приклеилась к плоскому лицу. — Имя слишком распространённое, чтобы утверждать обратное. Поэтому мне ничего не оставалось кроме как найти молодого человека самой.

Шут поднялась со скамьи, сделала несколько шагов, и стальная решётка появилась между ней и Лидой. Непотревоженный замок надёжно перекрывал выход, тусклая лампа не справлялась с густыми тенями в углу. Из другого конца коридора послышался щелчок выключателя, свет замигал и стал ярче. Приближались чьи-то шаги, а перед камерой уже никого не было. Лида зябко передёрнула плечами и крепче стиснула в ладонях край выданного Денисом одеяла.

Покосившись на стремительно приближающегося к камере Лиды Бориса, Шут недовольно нахмурилась: идеальный следователь действовал так быстро, что даже небольшая фора, которая была у неё в самом начале, стала почти призрачной. Но сдать сейчас означало уничтожить своё любимое творение.

Подцепив пальцем собранные в папку и ещё неподшитые материалы дела, Шут скинула их со стола. Листы, подхваченные сквозняком из щелей в старом окне, разлетелись по полу, перемешались, а один из них лёг на работающую на пределе возможностей тепловую пушку. И через несколько минут начал темнеть, источая неприятный запах дыма.

Серая фигура казалась почти прозрачной в неверных сгущающихся сумерках. Шут в последний раз взглянула на уходящий глубоко во внутренности здания коридор, на секунду

её взгляд оставновился на Борисе, который стоял перед решёткой самой дальней камеры. Он подобрался ещё на шаг ближе, Шут не могла больше терять время. Подойдя к окну, она коснулась грязного стекла рукой, и поздний осенний вечер принял её в ледяные объятия.

Кто-то скажет, что находить человека, зная только имя, и перемещаться быстрее машины — чистейшей воды жульничество, но когда тебе противостоит идеал, приходится пользоваться нечестными приёмами. Хотя заплатить за них пришлось дорогую цену.

Шут появилась перед высотным зданием дорогой гостиницы и подняла голову, выскивая нужное окно. Большинство номеров пустовало, но в нескольких горели лампы. Грязно-серые глаза скользили по пятнам света, в голове, как на экране смартфона, вспыхивали подсказки: «Мужчина, иностранец, 58 лет, приехал в командировку. Мужчина, иностранец, 35 лет, встреча с богатой вдовой. Женщина, русская, 47 лет, приехала в командировку. Мужчина, русский, 26 лет, приехал на деловую встречу...»

«Нашла!» — мысль вклинилась в монотонное перечисление. Шут встрепенулась и поспешила к зданию.

Чья-то невидимая воля вела её к нужному номеру. Мимо сонного швейцара, мимо ярко освещённой стойки регистрации с благоухающим дорогим парфюмом администратором, на лифте, который выглядел как мостик космического корабля, по сверкающему чистотой коридору, к двери с кожаной обивкой и резными деревянными цифрами.

Несколько секунд на тихий стук не было реакции, а потом раздались тяжёлые шаркающие шаги. Дверь распахнулась, и в проёме появился грузный молодой человек в полотенце. Он удивлённо взглянул на странную женщину перед собой и осторожно поинтересовался:

— Вы ко мне?

— Андрей? — Шут нахмурила брови. Какое-то странное ощущение давило на затылок, угнездившаяся в глубине сознания сущность подозрительно затихла.

— Нет... Вы номером ошиблись, наверное.

«Ты, предатель! — мысленно возмутилась Шут. — Почему не сказал?!»

«А я не должен тебе помогать! — голос в голове развеселился, злобным хохотом заглушал её собственные мысли. — Я вообще только наблюдаю, а не подсказываю!»

Шут резко развернулась на пятках и, оставив позади озадаченного мужчину, поспешила обратно к лифту. Она теряла драгоценные минуты, ведь с Бориса стало бы и посреди ночи поехать к свидетелю. Обычному следователю и в голову не пришло бы ехать в другой город для того, чтобы найти там свидетеля, который может развалить обвинение, он в крайнем случае выслал бы ему повестку с требованием явиться в судебное заседание. Но нет, идеальный Борис был всегда впереди планеты всей.

Администратор на ресепшен деловито пролистывал отзывы на отель на разных сайтах и отвечал на комментарии. Владельцы строго-настроено запрещали заниматься посторонними делами в рабочее время, поэтому, когда посетителей не было, приходилось искать другие способы не рехнуться со скуки.

Курсор дрогнул и независимо от движения руки метнулся к значку приложения, к котором регистрировали постояльцев. Администратор непонимающе нахмурился и поводит мышкой по коврику. Вредная стрелочка жила своей жизнью и отказывалась подчиняться. Она уже запустила программу и деловито пролистывала короткий список.

Видимо, она быстро нашла то, что хотела, потому что закрыла окно приложения, и мышка снова стала послушной. Администратор повертел головой, тихо пробурчал что-то про сумасшедших программистов с новомодными штучками и достал из ящика старую проводную мышку.

Узнав номер комнаты, в которой остановился Андрей, Шут поспешила к нему. В этот раз она не стала тратить время на бесполезный стук в дверь и сразу появилась внутри. За дверью в ванную слышался плеск воды и монотонное жужжание электрической зубной щётки. Оста-

новившись возле окна, Шут опустила взгляд на парковку, выглядывая на широкой площадке знакомую зелёную Ладу. Первые капли холодного осеннего дождя упали на асфальт, сделав парковку похожей на бок исполинского леопарда.

Смолкли звуки из ванной, и Андрей появился в комнате, на ходу вытирая выющую русую чёлку. Он отнял полотенце от лица и вздрогнул, когда увидел в своём номере незнакомую женщину. Однако задать закономерный вопрос ему не позволила Шут, сразу выпалив:

— Андрей, вы уже слышали, что Лиду обвиняют в похищении ребёнка из роддома, в котором она работает? Я частный детектив, который расследует это дело, меня называют Шут.

Андрей несколько секунд стоял неподвижно, видимо, пытался осмыслить всё услышанное, но получалось плохо. Пальцы теребили мягкое полотенце, вытягивая из него сюжетные ниточки, серо-голубые глаза медленно скользили от детектива к двери, к окну, к столу, к чемодану. Они искали что-то и не находили. Наконец, Андрей мотнул головой и спросил:

— Лида? Похитила ребёнка? Вы вообще о чём?

— Получается, вы не в курсе?

— Нет... Я сегодня весь день в дороге, связи почти нигде не было... — протянул Андрей и недоверчиво зыркнул на Шута. — Вы вообще откуда тут взялись, чтобы обвинять Лидку в чём-то?

— Я вошла через дверь. А обвиняю Лиду не я.

По шелчку пальцев включился телевизор, и пёстро раскрашенная журналистка начала бодро вещать про похищение ребёнка. Она рассказала слезливую историю о страдающей матери и прокомментировала снятый Эллиной короткий ролик. А весь гнев обрушился на медсестру, чью причастность к делу ещё не доказали, но которую уже сделали главной злодейкой новостей.

Когда ведущая перешла к другому сюжету, телевизор отключился. Андрей продолжал смотреть в потемневший экран. Он стиснул кулаки так, что короткие ногти впились в ладони, а на висках играли желваки.

— Я хочу найти настоящего преступника, — заговорила Шут, — Но если вы не станете свидетельствовать в пользу Лиды, то утром полиция через суд добьётся того, чтобы её оставили под стражей. А ей сейчас нужно больше заботиться о своём здоровье и противопоказано нервничать.

— У неё проблемы со здоровьем? — Андрей встрепенулся и перевёл взгляд на детектива. Его голос стал взволнованным: — Что-то серьёзное? Её в больницу положили?

— Пока нет. Это в больнице не лечится, само проходит. Через девять месяцев.

— Погодите... Хотите сказать, что Лидка беременна? От меня?

Глаза Андрея широко распахнулись и беспорядочно заматались, видимо, безуспешно пытаясь поймать скачущие мысли. Он открывал и закрывал рот, тряс головой и со стороны выглядел как душевнобольной.

— Не думаю, что с её привязанностью к вам были другие кандидаты, — неприязненно протянула Шут. Пока Андрей осмысливал свалившиеся на него новости, время неумолимо утекало сквозь пальцы. — Она готова пожертвовать своей свободой ради вашей карьеры.

— Н-нет, я ничего такого не имел в виду... Просто... Это слишком неожиданно...

— Вы собираетесь ехать к своей девушке? — уже раздражённо процедила Шут сквозь зубы. — Если отказываетесь, то говорите сразу! Придётся ей в СИЗО посидеть, пока я не найду похитителя.

— Пять минут, мне нужно отпроситься, — угроза подействовала мгновенно.

Андрей схватил телефон, долго искал в контактах нужный номер и, найдя, начал жаловаться, что заболел чем-то страшным и однозначно заразным. Длинное голосовое сообщение в нужных местах прерывалось приступами удушающего кашля, голос всё больше слабел и сры-

вался. Закончил длинную тираду Андрей словами о том, что немедленно направляется в больницу и, к величайшему сожалению, пропустит одно собрание.

Отправив запись, Андрей прочистил горло и заговорил уже нормально:

— Едем к Лидке.

Он не стал брать ничего кроме ключей от машины, телефона и кошелька, набросил на плечи вместо пиджака обычную куртку и выскочил за дверь. Ключи от номера Андрей оставил на стойке администратора и поспешил на охраняемую подземную парковку для постояльцев, на ходу щёлкая брелком дистанционного запуска двигателя.

Недовольно заурчал чёрный Ленд Ровер, одиноко притаившийся в дальнем углу. Андрей запрыгнул на водительское сидение и только тут опомнился, что совершенно забыл про детектива. Он не спросил, как она добралась до отеля, и не предложил подвезти, а ведь ехать предстояло всю ночь...

— Вы так и продолжите бессмысленно смотреть на руль? — голос с пассажирского сидения заставил Андрея вздрогнуть.

Шут уже с удобством расположилась в кожаном кресле и пристегнула ремень безопасности. Когда она успела сесть в машину и как захлопнула дверцу так, что он не услышал, Андрей не мог понять, но переживания за Лиду заставили его отбросить бесполезные мысли.

Машина покинула подземную парковку и выехала на центральные улицы ночного города. Тугие струи льющейся с неба воды ударили в лобовое стекло, выбивая на нём замысловатый ритм. Они играли какую-то напряжённую мелодию, и им вторили быстро сменяющие друг друга одинаковые фонари, пёстрые вывески, мигающие поворотниками автомобили. Мир сжался до размеров короткого туннеля, который фары выхватывали из неверно подрагивающей пелены дождя.

Постепенно редел поток машин, превращался из бурного потока в спокойную речку, а затем и вовсе в тонкий ручеёк. Дома вокруг встали ближе, нахохлились и недружелюбно смотрели на спешащие мимо автомобили тёмными глазницами окон. Вскоре исчезли и они.

Андрей стиснул руль так, что побелели костяшки пальцев. Он подался вперёд и внимательно вглядывался в убегающую вперёд полосу трассы. Дождь не прекращался, дворники бешено метались перед глазами, но их усилий едва хватало, чтобы не слететь в овраг. И только Шут расслабленно сидела рядом с водителем.

— Осталось немного, скоро дождь прекратится, — будто вскользь заметила она после того, как Андрей совершил умопомрачительный вираж, чтобы не улететь под междугородний автобус.

Тот недоверчиво покосился на пассажирку, но ничего не сказал. И почему-то даже не удивился, когда ливень внезапно прекратился, оставшись позади густой серой стеной.

Ровная сухая дорога уже не требовала такого сосредоточения, и Андрей начал поминутно мотать головой, пытаясь прогнать сонливость. Он пытался открывать окно, включать громкую музыку, но коварный туман продолжал заполнять сознание и протягивать тонкие щупальца к каждой клеточке мозга.

Заметив придорожную забегаловку, Андрей завернул к ней и купил большой стакан мерзейшего растворимого кофе. Шут на долю секунды прищурилась, на лице застыло нечитаемое выражение, но она промолчала.

Машина снова выехала на трассу, однако буквально через двадцать минут Шут внезапно потребовала:

— Сейчас будет съезд на просёлочную дорогу, заверните туда на минуту.

— Так срочно? — недовольно протянул Андрей.

— Да, — в тихом голосе звякнул металл. — Обязательно сверните именно там, развернитесь для выезда обратно и заглушите двигатель.

Что-то невнятно ворча, Андрей подчинился. Машина сбавила скорость, мягко скользнула в ухабистую колею, проехала, покачиваясь, несколько метров и стала заходить в поворот. Внедорожник легко развернулся в поле и остановился лобовым стеклом к дороге. Андрей покосился на Шута, и та выразительно приподняла бровь. С тяжёлым вздохом он повернул ключ зажигания, и автомобиль затих.

Он ждал, что Шут выйдет из машины, но она продолжала сидеть, не отрывая взгляда от дороги. Андрей не мог понять, что такого интересного она увидела на пустынной и тёмной трассе, но тоже взглянул в ту сторону. Ничего. Очень хотелось психануть, наорать на странную пассажирку и рвануть скорее на трассу, а по ней к Лидке. Рука потянулась к ключу, но на середине пути безвольно упала, мир вокруг стал внезапно темнее, а затем вообще пропал.

Андрей резко вскинулся, услышав впереди визг тормозов и скрип покрышек по асфальту. Он попытался резко крутануть руль, но заглушённый внедорожник крепко стоял на пустой просёлочной дороге.

Огромный большегруз, вылетевший на встречку, опасно накренился, но сумел выправиться и вернулся на свою полосу. Он уже отъехал на приличное расстояние, а Андрей продолжал смотреть на то место, где могла находиться его машина, если бы не настойчивое требование странного детектива.

— Вы... спасли нам жизни... — прошептал он внезапно севшим голосом.

— Вам — да, — просто согласилась Шут. — Вы должны были погибнуть на этом месте сегодня ночью. Но я здесь именно для того, чтобы путать заранее прописанный сюжет.

Сглотнув, Андрей покосился на неё, однако ничего не сказал. Он завёл машину и выехал обратно на трассу. Неловкое молчание грязной марлей висело в воздухе, пока его не прервало тихое: «Спасибо». Шут кивнула, и дышать сразу стало легче.

Через пару часов Андрея снова начал морить сон и, чтобы бороться с ним, он начал рассказывать про Лиду. Благо, его пассажирка выглядела до безобразия бодрой, и время от времени реагировала.

— Мы с Лидкой случайно познакомились. Её подруга на встречу первокурсников в наш вуз притащила, а я тогда уже на третьем курсе учился и был председателем профсоюза. Пришёл агитировать первашей вступать и сразу на Лидку внимание обратил. Наши все девчонки манерные, на каблуках, при макияже. Они ж на международных отношениях учатся, дипломатами готовятся стать! А Лидка простая такая пришла, с пучком на голове и чуть ли не в тапочках! Сидит, смотрит на меня, улыбается. Я тогда аж сам в улыбке расплылся. В тот день я к ней подойти не решился, но потом через ту её подругу номер телефона выпросил.

— Вы уже долго встречаетесь?

— Встречаемся всего год, до этого как друзья больше двух лет общались, Лидка всё морозилась, не подпускала к себе. Она же из деревни, её там запугали, что парней честных не осталось на свете, им лишь бы поиграться и бросить.

— А вы что?

— А я Лидку люблю, кто бы что ни говорил. Ей последний год отучиться осталось, для неё очень важно образование получить. Во втором семестре посмотрим, стоит ли ей в академ уходить, или попросим её маму, тётю Любу, помочь нам пару месяцев с ребёнком, если вдруг меня в командировку пошлют.

— Ваши родители не будут помогать?

— Однозначно нет, — Андрей невесело хмыкнул: — Матери вообще плевать на всё, что не касается моего старшего братца. Отец будет против моей свадьбы с Лидой. Он уже слюной брызжет, ядом плюётся и грозит меня наследства лишить из-за того, что я отказываюсь жениться на дочери какого-то там его партнёра по бизнесу. Кричит, что я сын неблагодарный, он-то всегда был готов меня из любой передрыги вытащить, а я его бизнес не хочу спасать. Но только я в передрыги не попадал никогда, в отличие от брата. А когда я два года назад не по

своей вине в аварию попал, со мной только Лидка возилась. Я в коме провалялся неделю и мог инвалидом остаться, но она после пар каждый день в больницу неслась. Отец же пришёл один раз, посмотрел и ушёл. Зато с моим братцем-оболдуем он как с новым айфоном носится, а тот и рад стараться! На возмещение ущерба и взятки, чтобы его не посадили, большая часть денег и ушла. Но женить его насильно нельзя, мальчик тридцати четырёх лет от роду ещё не нагулялся!

Последнюю фразу Андрей выплюнул с такой злостью, что от предрассветной сонливости не осталось и следа. Он тряхнул головой, обогнал очередную фуру и на максимально разрешённой скорости понёсся вперёд.

Город не вынырнул из-за поворота внезапно. Он начал медленно обозначать свои границы робкими дачными участками, потом вырос до размеров пятиэтажек и, наконец, выстроился вдоль улиц тяжёлыми высотками. Машин стало больше, кое-где начали появляться заборы.

Внедорожник резко дёрнулся и завернул на парковку большого торгового центра. Андрей посмотрел на часы. Видимо, увиденное его удовлетворило, потому что он остановился недалеко от входа, включил аварийку и выскочил из машины, не объяснив причины.

Шут усмехнулась уголком губ и не последовала за ним. Откинувшись на удобную спинку кожаного кресла, она наблюдала за людьми, снующими вокруг. Несмотря на рабочий день, парковка быстро заполнилась автомобилями всех цветов и марок. Из них выходили, выползали и выпрыгивали серьёзные мужчины, уставшие с самого утра женщины и бодрые дети в запачканных комбинезончиках, которые матери только вчера постирали.

Детектив ещё не успела рассердиться на Андрея за внеплановую остановку, как он выбежал из магазина, на ходу засовывая что-то в карман куртки. Не став тратить время на объяснения, Андрей запрыгнул обратно на водительское сидение и погнал по указанному Шутом адресу.

Они быстро оказались в здании суда. Охранник в коридоре начал подниматься и открыл было рот, чтобы уточнить, к кому они, но грязно-серые глаза мельком взглянули на него, мелькнул в их глубине алый отблеск. Немолодой мужчина замер, словно натолкнулся на невидимую стену, и опустил обратно на стул будто ничего не произошло.

Шут вела Андрея по запутанным коридорам, безошибочно находя нужное направление. Несмотря на ранний час в здании уже всюду суетились и сновали люди. Секретари и помощники подготавливали материалы для слушаний, жались по углам свидетели, мрачные приставы вели в залы подсудимых. Остановившись возле одной из дверей, Шут трижды постучала, и тонкая створка распахнулась.

В кабинете уже находился Борис, а средних лет судья заканчивала изучать содержимое грязно-белой папки. Секретарь судебного заседания первой подняла глаза от компьютера и уставилась на посетителей. Андрей чувствовал себя неловко, врываясь вот так, но Шут уже оказалась возле судьи, и ему пришлось подойти следом.

— Здравствуйте, Елена Олеговна, — Шут заговорила мягко, тихий голос проник в сознание. — Я адвокат Лидии Михайловны, и со мной свидетель защиты, — не дожидаясь вопроса пояснила она свою цель.

Судья едва заметно склонила голову на бок, короткие русые волосы с едва наметившейся сединой упали на лицо. Елена Олеговна оглядела вошедших. Каре-зелёные глаза надолго задержались на адвокате, но по лицу никак не получалось прочесть мысли судьи. По Андрею она и вовсе едва мазнула взглядом.

— Здравствуйте, — наконец заговорила она вполне миролюбиво. — Я, к сожалению, не услышала вашего имени, однако, если свидетелю есть, что сказать, я его выслушаю.

Шут посторонилась и, повернувшись к Андрею, кивнула. Тот выступил вперёд, сжал губы и начал твёрдо говорить, как будто выступал с трибуны:

— Меня зовут Краков Андрей Валерьевич, и я заявляю, что в момент совершения преступления обвиняемая находилась со мной и...

— Пойдите, молодой человек, — судья остановила поток слов поднятием ладони. — Чтобы не произошло недопонимания, я сразу поясню. Против Лидии Михайловны ещё не был составлен обвинительный акт, пока она официально не обвиняемая, а лишь подозреваемая.

— Хорошо, я буду более внимателен в терминах, — Андрей понятиво кивнул и продолжил: — Как я уже сказал, Лидия Михайловна довольно много времени провела со мной, предварительно предупредив об этом врача, а после расставания вернулась на пост.

— С какой целью вы явились к подозреваемой на работу в столь позднее время?

— Ей с утра нужно было на учёбу, а её внезапно оставили на дежурство, поэтому я привёз четыре учебника, тетради и сменную одежду.

— Указанные свидетелем вещи действительно были обнаружены при обыске возле поста медсестры? — судья повернула голову к Борису.

Тот с видимой неохотой признал:

— Да, ваша честь.

— Помимо этого, — Андрей приободрился и перестал говорить как нудный диктор из телевизора, — Лиде не было никакого резона похищать чужого ребёнка, у нас с ней скоро свой будет.

— Она беременна? — брови Бориса поползли вверх, но он быстро взял себя в руки и вернулся на лицо суровое выражение: — Почему Лидия Михайловна не сказала об этом на допросе?

— Она даже мне пока не говорила, я сам догадался, — вдохновенно врал Андрей.

Шут усмехалась из тени в дальнем углу. Андрей превзошёл все ожидания: так уверенно находить аргументы к тому, о чём сам не в курсе, не каждому по силам. Профессию он выбрал подходящую.

— И почему вы сразу не выступили свидетелем защиты?

— Я не знал о происшествии вообще, потому что после того, как с Лидой попрощался, сразу сел в машину и поехал в другой город на совещание. Время уже под утро было, я почти весь день в дороге провёл, потом в гостинице пару часов подремал, а поздним вечером мне детектив сообщила о случившемся. Я снова сел за руль и поехал обратно.

— Вы признаёте, что состоите в близких отношениях с подозреваемой? — раздражённо зашипел Борис. — Ваши показания могут быть расценены как недостоверные из-за личных мотивов.

— Признаю, что мы с Лидой в близких отношениях, и у меня есть видеозапись той ночи, где прекрасно видно время и место! — Андрей высоко вскинул подбородок и гордо произнёс: — Можете считать, что вру я, но видео не может обманывать! Телефон я согласен отдать на экспертизу, чтобы доказать, что видео настоящее и в нём нет монтажа!

Судья взирала на творящийся бедлам с титаническим спокойствием. Казалось, ничто в мире не способно поколебать эту женщину. Строгое лицо не меняло своего выражения, руки спокойно лежали на столе, даже дыхание оставалось ровным. Она выждала, когда Борис и Андрей выскажут друг другу претензии, взяла у Андрея телефон, водрузила на нос очки в тонкой оправе и всё с тем же непроницаемым лицом посмотрела видеозапись весьма откровенного содержания.

— У следствия есть прямые улики, указывающие на причастность Лидии Михайловны к похищению ребёнка? — спросила она, завершив просмотр, и обратила взор на Бориса.

Тот не стал юлить и отчеканил:

— Только косвенные, которые я изложил ранее.

— В таком случае данная видеозапись будет изъята и приобщена к материалам дела. Лидии Михайловне назначаю меру пресечения в виде подписки о невыезде до окончания расследования. У сторон имеются возражения?

— Нет, ваша честь, — Борис сохранил ровный тон, но стиснул кулаки так, что короткие ногти впились в ладони.

— В таком случае подождите пятнадцать минут, секретарь подготовит постановление, — Елена Олеговна поднялась с места, давая понять, что заседание окончено.

Когда чёрный Ленд Ровер и зелёная Лада подъехали к зданию следственного комитета, Лида уже подписывала последние документы. Она даже предположить боялась, на какие ухищрения пошла Шут, чтобы её подзащитную выпустили. Руки дрожали от волнения, Лида беспокойно поёрзала на жёстком стуле.

Денис, которого о решении судьи Борис оповестил по телефону, по-своему истолковал поведение медсестры и пододвинул к ней поближе тепловую пушку. Она не стала разубеждать его и только тихо поблагодарила, продолжая прислушиваться к шагам в коридоре.

Первым в распахнувшуюся дверь вошёл Борис, распространяя вокруг приятный аромат парфюма, а сразу за его плечом нетерпеливо переминался растрёпанный Андрей. Увидев любимого, Лида охнула, начала подниматься ему навстречу, но неловко зацепилась балеткой за ножку стула и едва не упала.

Реакция не подвела идеального следователя — как и положено, он поймал девушку и помог ей выровняться. Только в этот раз вместо длинной благодарственной речи «спасённая дама» вывернулась из его рук и кинулась в объятия к другому, а самому Борису остались подписанные бумаги и сверлящий спину взгляд детектива. Он стиснул зубы, хотя почти физически ощущал жжение между лопаток, вложил новые материалы дела в папку и лишь потом обернулся. Часы над дверным косяком, в которых два дня назад поменяли батарейки, безжизненно затихли. В кабинете и коридоре уже никого не было.

Зато перед зданием следственного комитета развернулось изумительное представление: молодой человек решил сделать предложение девушке с копией постановления и подпиской о невыезде. Как и положено, он опустился на одно колено, достал коробочку со сверкающим колечком и красиво попросил руки любимой. И, разумеется, она сказала «да». Понаблюдать за ними собралась небольшая толпа прохожих, а из окон высунулись особо любопытные следователи, которые не побоялись пустить в кабинеты холод ради дармового представления.

Шут держалась в стороне, и её лицо поминутно передёргивалось от отвращения. Красивая сцена, разыгранная как по нотам из любовного романа, вызывала острое желание скорее промыть глаза, чтобы избавиться от липкого ощущения приторной сладости на ресницах.

Когда спектакль закончился, Шут ультимативно заявила, что направится в квартиру Лиды вместе с влюблёнными, а они были слишком счастливы, чтобы возражать. Оба всю дорогу улыбались от уха до уха и хватались за руки на каждом светофоре.

Крошечная студия на окраине города, которую Лида снимала у каких-то дальних родственников, встретила гостей спёртым воздухом и беспорядком. Обыск проводили в спешке и без особой аккуратности, однако ничего кроме фотоотчёта из квартиры не увезли, даже детские вещи остались лежать в почтовой коробке неряшливой кучей.

Лида принялась суетливо извиняться за внешний вид квартиры и предложила гостям растворимого кофе или пакетированного чая. Андрей сразу отказался и, едва переставляя ноги, доковылял до дивана. Заряд адреналина стремительно заканчивался, и тело вспомнило, что нежелательно обходиться без сна более полутора суток. Прямо в одежде рухнув на жёсткие, местами выпирающие пружины, Андрей уткнулся лицом в обивку и мгновенно засопел. Лида осторожно подсунула ему под голову подушку и заботливо укрыла пледом.

Тем временем Шут присела на корточки возле коробки с детской одеждой. На внутренней стороне, прямо на картоне, были выведены размашистые округлые буквы: «Только маме сообщи новости помягче, а то её удар хватит». Большая часть вещей оказалась не новая, были расцветки и для мальчиков, и для девочек. Но один предмет одежды особо привлекал к себе

внимание: новенький детский комбинезон синего цвета с машинками весьма прозрачно намекал на пол ребёнка.

— Вы уже знаете, что ждёте мальчика? — поинтересовалась Шут у Лиды.

— Нет, конечно, — та хихикнула и погладила живот. — Срок ещё слишком маленький, чтобы определить на УЗИ, а пункцию просто так лучше не делать, это же может быть опасно.

— Тогда зачем купили такой комбинезон?

— А, этот мне просто отдали. Екатерина Андреевна сказала, что Эллине перед родами муж подарил для малыша комбинезончик получше, а этот ей не нужен.

— Эллина знала, что вы ждёте ребёнка?

— Нет, она сказала «отдать кому угодно», а Екатерина Андреевна ещё две недели назад догадалась про меня, когда приводила Эллину на обследование, она же посоветовала тест сделать. Только мы с Екатериной Андреевной и моя старшая сестра про малыша знали, Андрея я хотела обрадовать после его первого серьёзного заседания. А Эллина просто хотела, чтобы у её ребёнка было всё самое лучшее и дорогое, поэтому избавилась от комбинезона, когда появился другой, фирменный.

— И здесь видны её длинные уши, — Шут провела кончиком пальца по гладкой шуршащей ткани комбинезона и пробормотала: — Эллина фигурирует в деле чаще, чем положено обычной потерпевшей...

— Вы хотите поговорить с ней? — Лида расслышала знакомое имя и встрепенулась: — Я слышала, тот следователь тоже собирался к Эллине, они с коллегой это обсуждали по телефону, когда я бумаги подписывала.

— Значит, он уже как минимум на половине пути...

— Да, он хотел поехать как можно скорее, я сама слышала! Вы тоже поедете?

— Нет... — Шут покачала головой. — Я точно проиграю, если буду бежать за ним по пятам. Нельзя тягаться с идеалом в открытую. Нужно зайти с другой стороны. У Эллины ведь была та, кому она безраздельно доверяла.

Лида хотела уточнить, что детектив имеет ввиду, но о присутствии Шута напоминал только едва уловимый запах горящих спичек.

Радио, телевидение, интернет — все эти источники информации слишком однобокие, они никогда не показывают картину целиком, только официально одобренные фрагменты. Они говорят о таких серьёзных вещах, как всемирный экономический кризис, падение метеорита, новый ледниковый период, чудодейственное средство для роста волос и развод кого-нибудь из звёзд эстрады. Но рядовые люди, эти рабочие муравьишки, журналистов не интересуют, слишком их много, чтобы обращать внимание на каждого. Для таких случаев существует другая агентурная сеть, раскинутая по всей стране и почти незаметная для глаз. Кто поведает миру о том, кто приходил к Маше с пятого этажа, лучше чем они — бабушки у подъезда?

Две кумушки не сразу заметили вывернувшую из-за угла старой пятиэтажки женщину. Их настолько сильно впечатлил внедорожник, почти час простоявший вчера во дворе, что остальное резко стало неинтересным. Предполагаемая стоимость машины колебалась от трёх до двенадцати миллионов, у внучатых племянников мужа двоюродной сестры каждой сплетницы непременно была точно такая же, но её продали, потому что ударились в вегетарианство и здоровый образ жизни.

Шут незамеченная присела на лавочку рядом. Она слушала внимательно, подмечала любые детали: по описанию автомобиль очень сильно напоминал тот, что принадлежал Геннадию Ивановичу.

Тем временем сплетницы перешли к обсуждению водителя, и Шут укрепились в своих подозрениях: представительный, но полноватый мужчина в роскошном деловом костюме, который нагрубил девушке за рулём только потому, что она девушка — образ Геннадия Ивано-

вича вставал в полный рост. Кумушки делились подробностями, половину из которых, похоже, придумывали на ходу, потому что они противоречили друг другу.

— И к кому сие чудо пожаловало? — будто невзначай обронила Шут.

Хранительницы дворовых сплетен только после этих слов обратили внимание на подсевшую к ним женщину. Их ничуть не смутило, что их разговор слышал кто-то ещё, напротив, они не собирались упускать шанс пожужжать в новые свободные уши.

— Так к Катьке из сорок пятой! — быстро выпалила одна из кумушек. — Уж она его насилу выпроводила! Этот настырный всё в квартиру ломился, «говорить» с ней хотел. А Катьке не до того сейчас: на работе сутками пропадает, да ещё и мать заболела, из дому не выходит!

— Да уж, настоящая полоса невезения у неё началась! — подхватила вторая. — А ведь и так девчонке от жизни досталось! Ей уже за тридцать, а мужа всё нету!

— Лет пять назад она почти замуж вышла, долго с мужиком одним жила, но бросил он её, как узнал, что детей у них быть не может! Бедняга так мечтает о ребёнке, но родить ей никакая современная медицина не поможет...

— Она после этого с головой в работу ушла, всю себя чужим малышам посвятила!

— И никогда помочь не отказывается, хотя у самой такая боль в глазах! Из нашего дома все девчонки у неё наблюдаются, любые предписания бесприкословно соблюдают. Одна кукла эта крашенная будто назло всё делала, совсем малыша не берегла!

— Что за кукла? — Шут напряглась, какое-то неприятное чувство стиснуло виски.

— Да Эллинка! В соседнем доме раньше жила, а потом за богатого замуж выскочила и зазвездилась!

Кумушки неприязненно сморщили носы, и одна из них брякнула:

— Уж как Катька завидовала, когда та пузом мужика к стенке припёрла!

Простые слова как удар тока пронзили мозг.

Зависть. Бесконтрольное, разрушительное желание завладеть тем, что принадлежит другому. Боль от осознания собственной беспомощности перед безжалостной и непреклонной судьбой выливается слезами. Они затекают в сознание и начинают разъедать мозг изнутри. Маленькая трещина постепенно превращается в большой разлом, в глубине которого зарождается яйцо обиды на несправедливость мира. Из него и вылупляется Зависть. Она медленно крепнет, неотвратимо набирает силу. А потом хтонический монстр выплывает на поверхность и обрушивается на человека, ломая его, сметая любые доводы разума и раскалывая в щебень моральные принципы.

«Сорок пятая квартира» — мысленно повторила Шут и поднялась с лавочки. Кумушки больше не обращали на неё внимания, занятые обсуждением личной жизни соседей. Из подъезда выпорхнула очаровательная девочка с гитарой за плечом и тут же узнала, что на самом деле не хочет заниматься музыкой, но злые родители заставляют. А вышедший следом подросток в модных дырявых джинсах и вовсе покрутил пальцем у виска, когда сплетницы посочувствовали материальным проблемам семьи, которая не может купить новые вещи.

Прежде чем дверь захлопнулась, Шут проскользнула в подъезд. Он встретил её холодным спёртым воздухом и мерзким дымом, сочащимся из консервной банки с бычками. Две лампочки в грязных плафонах с трудом разгоняли полумрак, их света едва хватало, чтобы разглядеть лестницу и не расшибить нос. Краски и побелка ещё держались на стенах, хотя в нескольких местах трещинки образовывали причудливый узор карты мира, материи на которой готовились осыпаться вниз при любом неосторожном вздохе.

По выщербленным кое-где ступеням Шут поднялась на второй этаж и замерла перед дверью с заветными цифрами четыре и пять. Та выглядела донельзя обычной, чем очень напомнила детективу саму себя: мираж, который люди забудут в тот миг, когда он исчезнет с их глаз.

Тонкий палец потянулся звонку и трижды мягко коснулся глянцевой кнопки.

Довольно долго ничего не происходило, начало казаться, что в квартире никого нет. Но Шут упрямо продолжала стоять на месте, вслушиваясь в едва различимые за толстой стальной преградой звуки. Попытка заглянуть в дверной глазок ни к чему не привела: увеличительное стёклышко было расколото, и изображение рассыпалось беспорядочными цветными искрами. Когда кто угодно давно потерял бы терпение, тихие шаги приблизились к двери, и ключ в замке неторопливо заворочался.

— Ты сегодня рано, Катя.

Тяжёлая створка тихо скрипнула и приоткрылась ровно настолько, чтобы смогла высунуться седая голова со строгим пучком на затылке. Шуту хватило одного беглого взгляда, чтобы понять, что это мать Екатерины, о которой судачили сплетницы. По их словам, она так сильно расхворалась, что не выходила из дома, но пожилая женщина выглядела непозволительно бодро для больной. Она мягко улыбалась, надеясь увидеть на лестничной площадке дочь, но уголки губ быстро опустились, когда её взгляд сфокусировался на детективе.

Женщина дёрнулась и попыталась захлопнуть дверь. Шут оказалась быстрее, поставив ногу между створкой и косяком. Классический ботинок почти не смягчил удар, однако детектив не изменилась в лице. Мать Екатерины неловко пыталась тянуть на себя дверь, будто ей что-то мешало половчее перехватить ручку.

Она молчала, не пыталась кричать и звать на помощь, борьба происходила в абсолютной тишине. Резко дёрнув створку на себя, женщина оступилась, выпустила ручку и начала заваливаться назад.

Шут успела перехватить ускользающее запястье и не позволила ей упасть. Детектив непроизвольно сделала шаг внутрь и дверь за её спиной захлопнулась. Шут огляделась. Она находилась в маленьком коридоре, куда с трудом влезли шкаф, вешалка и обувная полка с банкеткой. Стены приятного светлого оттенка, яркие лампы и большое зеркало безуспешно пытались заставить пространство выглядеть больше, чем оно есть на самом деле.

Всё это Шут отметила мимоходом, потому что услышала тихое детское хныканье, быстро перешедшее в плач. Она перевела взгляд на мать Екатерины и поняла, что звук исходит от невзрачного кулька, который та прижимала к груди. Свёрток из одеяла шевелился и голосил, а держащая его на руках женщина только затравленно смотрела на тонкие пальцы, кандалами стиснувшие её запястье, и даже не пыталась успокоить ребёнка.

— Похоже, я, сама того не ожидая, нашла похищенного младенца, — бесстрастно констатировала Шут.

Её лицо по-прежнему походило на плохо приклеенную маску, невозможно было сказать, гордится ли она тем, что раскрыла дело, чувствует ли облегчение от того, что с малышом всё в порядке, или же радуется тому, что опередила Бориса. Ни тени человеческих эмоций не промелькнуло в грязно-серых глазах. И от этого становилось не по себе, будто вовсе не с человеком разговариваешь.

— Н-нет, — мать Екатерины с трудом нашла в себе силы выдохнуть. — Это мой внук... Т-точнее внучатый племянник...

— Прозвучало почти правдоподобно. Возможно сплетницы у подъезда даже поверили бы. Но мне отведена роль детектива, и я уже определила грех и нашла преступницу.

Шут разжала пальцы, выпуская руку женщины, чтобы та могла успокоить плачущего ребёнка. Мать Екатерины неуклюже отступила на шаг назад и села на низкую банкетку. Она качала попискивающий, елозящий свёрток и затравленно поглядывала на детектива, которая замерла, загоротив собой выход из квартиры.

Скрип подъездной двери и поспешные шаги вверх по лестнице эхом отдавались в ушах, заглушая тихое хныканье засыпающего младенца. Шут повернулась лицом к стальной створке, выжидательно уставилась на неё. Ключ в замке повернулся, раздался радостный возглас:

— Мама, я дома!

Екатерина, счастливая и раскрасневшаяся от холода, распахнула дверь. Она взмахнула непрозрачным бумажным пакетом, попыталась сделать шаг в квартиру и едва не налетела на детектива. Та стояла на пороге и молча смотрела на Екатерину снизу вверх. Осознание пришло не сразу, несколько секунд акушерка просто стояла, бессмысленно глядя в заурядное лицо. Но вот она моргнула, узнала детектива и отшатнулась. Пакет выскользнул из рук, с глухим стуком упал на кафельный пол, и из него выкатилась банка сухой детской смеси.

Шут оценивающе прищурилась: преступница, у ног которой валяется сумка с детским питанием; её сообщница с ребёнком на руках; сам младенец, который даже не понимал, сколько проблем доставило его исчезновение; и детектив, раскрывшая преступление — подходящая сцена для кульминации.

— Почти все актёры дурной пьесы в сборе... — протянула задумчиво детектив, словно говорила сама с собой. — И по закону жанра полиция должна появиться... сейчас.

Она толкнула дверь, распахивая её шире, и взглянула вниз, откуда как раз поднимался отряд во главе с Борисом. Взгляды Шута и Бориса встретились, следователь замер. Зелёные глаза широко распахнулись, брови сами собой поползли вверх. Осталось пройти всего одну ступеньку, но ноги отказывались слушаться, как к полу приросли. За спиной следователя столпились полицейские. Они непонимающе шептались, переступая с ноги на ногу, и пытались заглянуть ему через плечо.

Борис заметил, как кривая усмешка исказила лицо Шута, и, обращаясь только к нему, она одними губами произнесла: «Я нашла преступника первой». Никто другой не понял бы, но идеальный следователь не мог не уметь читать по губам. Он дёрнулся, как от удара током, и сделал шаг назад, едва не налетев на полицейских. Они зашептались громче.

Титаническим усилием воли Борис взял себя в руки. Он расправил плечи, одёрнул форменный пиджак и принялся быстро и чётко раздавать указания полицейским. Но мысли были где-то далеко. «Проиграл? — набатом билось в голове Бориса. — Расследование, поиск улик, допрос подозреваемых и свидетелей, анализ показаний, поиск несостыковок — всё это было зря? Никому не известный детектив со странным прозвищем появился и по щелчку пальцев стал лучше меня?»

Неприятное чувство обручем стиснуло голову, кровь сильнее застучала в висках. Борису начало казаться, что плохие мысли вгрызаются в мозг, причиняя почти физическую боль. «Ты же хочешь снова быть первым? — незнакомый вредный голосок вклинился в сознание. — Хочешь быть во всём лучше этой выскочки?» Тихий шёпот сливался с пульсирующей болью в виске, набирая силу.

«Нет. Это не моя цель, — Борис оборвал гипнотический шёпот и ощутил, как слабеет мигрень. — Я лишь хочу помогать людям. Я стал следователем, чтобы находить виновных, а детектив делает то же самое. Пусть она и опередила меня, главное, что ребёнок нашёлся живым и здоровым».

Надрывный злобный писк на несколько секунд заполнил сознание и быстро оборвался. Головная боль полностью прошла.

Борис оглядел оперативно действующий отряд: как только процедура пошла по плану, полицейские сразу приободрились. Они оформили необходимые документы, вызвали медиков, которые увезли ребёнка в больницу, а Екатерину отправили в участок. Борис позвонил Денису и попросил подготовить всё для дачи показаний, а потом повернулся к Шуту, которая безмолвно стояла в стороне и только внимательно наблюдала за следователем. Казалось, её не интересовали ни преступница, ни младенец, ни полиция — один только Борис. Когда он собрал необходимые бумаги и вышел на улицу, она проследовала за ним, сверля спину форменного пиджака тяжёлым взглядом.

— Вы отправитесь в участок? — следователь повернулся к ней, не в силах больше выносить жжение между лопаток.

Шут оценивающе оглядела Бориса и кивнула.

— Я буду там. Мне ведь нужно ещё забрать свою плату, — прошелестел тихий голос.

Шут отступила на несколько шагов, и серая фигура начала быстро растворяться в вечерних сумерках. Через несколько мгновений детектива нигде не было, а лёгкий порыв ветра развеял запах жжёных спичек.

Борис мотнул головой, словно пытался выгнать из головы лишние мысли, и сел в патрульную машину к полицейским. Они выехали со двора на шоссе и сразу включили проблесковые маячки, но автомобили, стоящие в мёртвой пробке, не спешили расступаться. Борис прикинул, что, возможно, Шут обгонит их, ведь следователь так и не понял, на чём она перемещается.

Он даже не удивился, когда увидел размытую серую фигуру на крыльце. Взмахом руки Борис пригласил детектива следовать за ним, и та безмолвной тенью проскользнула в здание. Возле конторки охранника их уже ждал Денис с грязно-белой папкой, в которую после инцидента с обогревателем оперативно вшили все материалы, и чистыми бланками протокола допроса. Он неприязненно покосился на Шута, но ничего не сказал.

Екатерину ввели в ту же комнату без окон, где до этого допрашивали Лиду. Акушерку усадили на стул лицом ко входу, двое полицейских привычно остановились возле двери и замерли. Борис сделал шаг внутрь и оглядел скудно обставленное помещение: один стул, два стула. Всё по уставу.

Усевшись напротив Екатерины, Борис положил перед собой папку с делом и бланки допроса. Пошарил по карманам и понял, что за чем-нибудь пишущим придётся идти на другой этаж. Когда он уже собирался подняться, из-за его левого плеча появилась тонкая бледная рука и положила на бумаги обычную синюю ручку. Борис поднял взгляд на Шута, но та никак не отреагировала, только неспешно опустила на жёсткий стул возле стены и принялась выстукивать мерный ритм секундной стрелки указательным пальцем на колене.

Ущипнув себя за запястье, Борис удостоверился, что не спит. Он ещё раз оглядел худую фигуру в сером костюме, и ему вдруг показалось, что всё идёт, как нужно: и третий стул органично вписывался, и детектив наверняка просто попросила ручку у Дениса, и часы над головой подозреваемой показывали неверное время из-за старых батареек.

— Итак, Екатерина Андреевна, — вполне миролюбиво заговорил Борис, пододвинув к себе чистый бланк допроса, — зачем вы это сделали?

— Хотела ребёнка, а сама родить не могу.

Екатерина скрестила руки на груди, словно предплечьями пыталась закрыться от всего мира. Её голос мог бы звучать нахально, если бы не дрожал в прогретом двумя тепловыми пушками кабинете.

— Можно было пойти в любой приют или дом малютки, гораздо проще взять ребёнка оттуда: никаких проблем с законом и кто-то из детей смог бы вырасти в семье, — Борис оценивающе прищурился. — Причина ведь в другом?

Пальцы сильнее стиснули предплечья, но Екатерина молчала. Тишина повисла в кабинете драной марлей, в которой любые слова застревали и беспомощно барахтались, как жирные мухи в паутине.

— Причина в родителях, — внезапно вмешалась Шут, разрывая невидимые сети. — Мне сперва казалось, что только в матери, но, полагаю, отец тоже как-то замешан.

— Верно. А вы догадливы, детектив, — Екатерина тяжело выдохнула и горько усмехнулась. Несколько минут она кусала губы, старательно глядя в потолок, потом шмыгнула носом и, проведя рукой по глазам, начала рассказывать: — Геннадий Иванович, муж Эллины, мне очень хорошо знаком. Три года встречались, два из которых жили вместе. Когда мы познакомились, он обычным автомехаником был, работал, спортом занимался, год встречались. А потом ко мне на консультацию пришла бывшая одноклассница, мы начали общаться спустя много лет после выпуска. Мы тогда начали жить с Генкой, везде вместе ходили, он с мужем

моей одноклассницы тоже познакомился. У них нашлось много общего, они начали общаться и через несколько месяцев решили создать свой бизнес. Первое время было тяжело, но потом дело пошло. Тут-то Генку и переключило. Ему резко понадобился наследник. Я и сама хотела ребёнка, почти год пыталась забеременеть, но никак не выходило. Генка психовал, почти не вылезал из офиса, спорт забросил, к сладкому и мучному пристрастился, обрюзг. Мы часто ссорились, обвиняли друг друга. А потом прошли обследование... — голос Екатерины сорвался, но она взяла себя в руки и договорилась: — Выяснилось, что я никогда не смогу родить. Правда, у Генки ситуация была немногим лучше: там такой букет наследственных генетических заболеваний вскрылся, что хоть в поликлинику сдавай, на опыты.

Неловкая шутка не вызвала ни у кого улыбки. Шут ни на йоту не изменилась в лице, оно осталось нечитаемою маской; Борис смотрел с плохо скрываемою жалостью, даже полицейские, вся роль которых заключалась в том, чтобы стоять двумя соляными столбами, сочувственно качали головами и стали выглядеть почти человеческими.

— Мы со скандалом разошлись тогда, — продолжила Екатерина, — а через два года я снова с ним столкнулась, когда Элина после сохранения выписывалась. Он сильно изменился, носил всё люксовое, но выглядел при этом просто кошмарно. Меня Генка демонстративно не узнал. Хотя... Может, и правда не узнал, я сильно изменилась. А вот я по одержимости ребёнком сразу догадалась: она стала только хуже со временем. Малыш ещё не родился, а чокнутый папаша уже всю жизнь на полвека вперёд за него расписал! С такими родителями никаких врагов не надо!

— Допустим, Геннадий Иванович действительно не идеальный, — Борис старался говорить мягче, но строгий тон следователя временами проскальзывал. — Но у ребёнка ещё есть мать. О ней вы не подумали?

— Как раз-таки подумала. Я малышка хотела защитить, ведь Элина в тот раз не просто с угрозой выкидыша к нам попала, она сама его и спровоцировала, — верхняя губа Екатерины приподнялась в оскале, лицо болезненно скривилось, и она выплюнула: — Женщина, которая могла родить малыша, собиралась добровольно от него отказаться! Я бы всё отдала за возможность родить, но мне не могло помочь ни ЭКО, ни чудо! А она могла! Могла и собиралась малышка убить! Знали бы вы, чего мне стоило убедить её отказаться от этой затеи!

Екатерина сорвалась на крик, который захлебнулся в надрывном отчаянном плаче. Борис на долю секунды потерял самообладание, за образом идеального следователя проступили настоящие эмоции: шок, недоверие и внезапное осознание. Ведь после избрания меры пресечения первой подозреваемой он съездил побеседовать с Элиной. Никто не знал сути разговора за закрытой дверью, но из палаты следователь вышел мрачнее тучи.

Ждать, пока Екатерина успокоится, пришлось довольно долго. Один из полицейских сходил за водой, другой принёс несколько конфет, Борис вспоминал, что рассказывали на двухнедельных курсах службы психологической помощи, и пытался найти слова поддержки. И только Шут сидела неподвижно, будто происходящее её вовсе не трогало. По непроницаемому лицу никто не мог сказать — то ли детектив настолько хорошо скрывает эмоции, то ли у неё их попросту нет.

Допрос продолжился лишь через полчаса, когда Борис приступил к заполнению протокола и просил рассказать, как именно Екатерине удалось повернуть похищение. Та невесело хмыкнула:

— Это было до безобразия просто. Приняв роды, я уговорила Генку поехать домой и согласилась, когда он предложил подвезти меня. Я нарочно много говорила, пока мы ехали, чтобы мой голос было хорошо слышно на записи видеорегистратора, потом попрощалась и демонстративно зашла в подъезд. Когда Генка уехал, я вернулась к роддому через дворы. По ним не очень безопасно ходить ночью, зато весь путь занимает всего десять минут, даже быстрее, чем на машине. Мне повезло не нарваться ни на кого, и я прошла через пожарный выход.

— Пойдите, — Борис поднял открытые ладони и мотнул головой, — но пожарные выходы обычно заперты, как вам удалось пройти?

— На одном из плановых обследований Эллины увидела в окне, куда дворник прячет ключ, — Екатерина позволила себе едва заметную полуулыбку. — Он у них выпивает и, чтобы не потерять ночью ключ, оставляет его в незаметной выемке в стене, которую закрывает камнем. Поэтому план был очевиден с самого начала: открыть чёрный ход, забрать малыша и выйти через него же.

— Допустим, войти в здание было несложно, — вмешалась Шут. — Но что насчёт палаты? Вы ведь не ввали, когда говорили, что не знаете код.

— Детектив, а вы прекрасно оцениваете ситуацию и задаёте правильные вопросы, — Екатерина фыркнула. — Я действительно не знала код от палаты, потому что понимала, что меня спросят о нём. Не хотелось выдавать себя, поэтому я воспользовалась дурной привычкой Эллины, которую заметила ещё в перинатальном центре, — акушерка подалась вперёд и поставила локти на стол, уперев в них подбородок. — Дело в том, что Эллина закрывает дверь исключительно ногой. Если створка открывается наружу, то это срабатывает, но если вовнутрь, то она только сильнее её распахивает. Понимаете, к чему я клоню?

— Прозорливо... — протянула Шут, на долю секунды показалось, что в глубине грязно-серых глаз промелькнула тень интереса. — Дело было за малым: заставить Эллину войти в детскую палату, когда Лида отвлечётся, подождать, пока та выйдет, и проскользнуть внутрь, воспользовавшись медлительностью доводчика.

Екатерина молча кивнула. Борис дотошно занёс всё в протокол. По выражению его лица никак не получалось угадать, о чём он думал: на красивые черты то и дело набегала тень, губы сжимались в тонкую полоску, широкие брови грозилась сойтись на переносице, но внезапно складывались «домиком». На акушерку он смотрел с плохо скрываемой жалостью, а на Шута — с подозрением и затаённым интересом.

Тяжёлая стальная дверь, которая отделяла несколько допросных от основного коридора, грохнула о косяк и низко возмущённо загудела. Бетонные стены с тонким слоем краски отразили звуки, многократно усилили их и потоком понесли вглубь. Двое мужчин кричали одновременно, сливая слова в единую бессвязную какофонию, приближающуюся к кабинету. Борис обернулся, распознав срывающийся от сбитого дыхания тенор Дениса, и поднялся на ноги, когда голоса остановились перед допросной.

Геннадий Иванович ввалился в крошечное помещение, распространяя вокруг едкий запах пота и дорогого парфюма. Увидев Екатерину, он с рёвом раненого бизона кинулся к столу, но его перехватил один из полицейских. Среагировал он настолько быстро, словно заранее знал, что произойдёт. Рослый крепкий парень стиснул похожую на желе руку и рявкнул: «Ни с места!»

Денис вбежал в комнату, с трудом переводя дух. Он держался за грудь и через силу бормотал невнятные извинения, но вопль Геннадия Ивановича легко перекрыл все прочие звуки:

— Ты! Как ты могла! Я к тебе со всей душой, а ты воткнула мне нож в спину!

— Занятое у вас «хорошее отношение», Геннадий Иванович, — холода в голосе Екатерины хватило бы, чтобы заморозить мировой океан. Она откинулась на спинку стула и высоко вздёрнула подбородок, скрестив руки на груди. — Вы сходу начали со мной фамильярничать, хотя как врач я бы предпочла уважительное отношение. А два года назад вы называли меня «бракованным товаром» и бросили после нескольких лет отношений.

Мужчина замер. На оплывшем лице явственно читалась натужная работа заржавленных шестерёнок в глубинах памяти. Геннадий Иванович разглядывал акушерку, будто видел впервые в жизни. Но вот в его глазах забрезжило узнавание, брови поползли вверх:

— Катя?

— Узнал-таки? — невесело усмехнулась Екатерина. — Ну и тугодум же ты. Я, конечно, сильно изменилась, но это уже перебор.

— Ты из-за этого на меня злобу затаила?! Из-за этого ты похитила моего ребёнка?! Ты же была ему как вторая мать!

— Дурак ты, Генка. Ой, дурак... И что тебе объяснять? Я могла бы стать единственной матерью этому прелестному ребёнку, от которого родная мать пыталась избавиться, а родной отец болтается непонятно где... Ты ведь знал, что ребёнок не от тебя?

Последнюю фразу Екатерина оборонила будто невзначай, но она произвела эффект ядерной бомбы. Геннадий Иванович резко вскинулся, ударив держащего его полицейского затылком по лицу. Тот отшатнулся, выпустив руку из захвата, сделал шаг назад и прикрыл нос ладонью. Между пальцами быстро проступили алые капли.

Геннадий Иванович попытался оттолкнуть с пути Шута, но та спокойно качнулась на стуле назад, пропуская его мимо, и, пока Борис не успел сориентироваться, мужчина подскочил к Екатерине. Стиснув воротник блузки так, что тонкая ткань затрещала под пальцами, он закричал ей в лицо:

— А ну, повтори, что ты сказала!

— Что слыша-ал, — с насмешкой протянула Екатерина, её губы скривились в нехорошей ухмылке. — Разве не странно, что малыш здоровым родился, с твоей-то паршивой генетикой? Так он просто не твой сын. — она разразилась полубезумным истерическим смехом. — Представляешь, дорогой наследник, о котором ты рассказал уже всему миру и всем деловым партнёрам, на самом деле бастард, нагулянный со стороны! Как планируешь выкручиваться? Скажешь правду? Или будешь делать хорошую мину при плохой игре?

Геннадий Иванович разжал руки, выпуская блузку; лицо покраснело так, словно его макнули в кипяток. Жилка возле виска быстро пульсировала в такт биению сердца.

— Эта стерва! — взревел он и кинулся к двери. — Убью!

— Ни с места! — Борис уже вернул себе контроль над ситуацией. Он перехватил руку Геннадия Ивановича, и заломил её за спину. — Сержант, — это относилось уже к не пострадавшему полицейскому, — проводи рядового наверх, пусть ему скорую вызовут. Ден, пошли, оформим этого за нападение на полицейского и угрозы расправы. Пусть остынет несколько суток и подумает над своими словами и поведением. Детектив, останьтесь, пожалуйста, с Екатериной Андреевной, я скоро подойду.

Служащие следственного комитета быстро покинули помещение, и внутри остались только Екатерина и Шут. Некоторое время они молча разглядывали друг друга, а потом детектив потребовала:

— Отдайте его мне.

— Кого? — Екатерина напряглась и на всякий случай вжалась в стул. — Ребёнка вы уже у меня забрали.

— Меня не интересует ребёнок. Отдайте мне свой грех, Зависть. Он уже должен был вылупиться, раз смог толкнуть на преступление.

— Вы... о чём вообще?

Во взгляд акушерки прокрался неподдельный страх, голос предательски дрогнул. Она хотела встать и отойти подальше от детектива, которая пугала её странными словами, но внезапно поняла, что не может сдвинуться с места. Тело окаменело, будто приросло к жёсткому стулу, а жуткие грязно-серые глаза оказались напротив.

«Он бросил тебя ради неё... Она могла родить ребёнка, а ты — нет... Они радовались, а ты страдала... — чужие мысли тараном ворвались в мозг, виски заломило от боли. — Ты заслуживаешь счастья больше, чем они... Пусть они страдают... Ты достаточно натерпелась...»

Екатерину била крупная дрожь. Слова причиняли физическую боль, выворачивали душу наизнанку. Слеза собралась в уголке глаза, на долю секунды задержалась там и соскользнула

вниз. Шут подставила маленький стеклянный бутылёк, в который упала мутная капля. Разбившись о донце, она брызнула на стенки крошечными искрами, в них заплясали неверные отсветы от ламп. Тоненькие червячки сползли вниз и слились в одного. Он поднял один из концов и открыл пасть с несколькими кругами микроскопических бритвенно-острых зубов. Если Зависть присасывался к жертве, оторвать его было почти нереально, Шуту повезло, что он вышел сам.

Детектив закупорила крошечную бутылочку герметичной пробкой, чтобы Зависть не сбежал: второй раз выманить его могло и не получиться. Сосуд отправился во внутренний карман пиджака, Шут надеялась, что не придётся использовать вылупившуюся особь. Она поправила рукава и обратила взгляд на Екатерину.

Акушерка сидела, обхватив голову руками. Боль в висках постепенно проходила, оставляя за собой ощущение абсолютной опустошённости и странной лёгкости. Ключья вязкого зелёного киселя ещё плавали в сознании, но они стремительно таяли, словно туман под утренним солнцем. Екатерина выдохнула, расправила плечи и улыбнулась самой себе.

Когда в допросную вернулся Борис, Екатерина уже полностью осознавала ситуацию и обрела способность мыслить трезво. Она внимательно ознакомилась с бланком допроса, подписала его и спокойно позволила себя увести, оставив Шута и Бориса наедине.

— Как записать вас в рапорт? — следователь недовольно поджал губы, исподлобья глядя на детектива, но честность пересилила. — Вы помогли следствию, мне нужно отметить это в отчёте, но не могу же я написать «Шут».

— Тогда не пишите, — спокойно парировала та. — Не упоминайте меня, скажите начальству, что раскрыли дело самостоятельно. Мне не нужны ни деньги, ни известность, я лишь хотела быть первой. И я смогла обставить «идеального следователя». Интересно, это случайность или всё-таки закономерность?

На тонких губах обозначился намёк на едва различимую усмешку. Шут в открытую играла на нервах Бориса как на домбре: вроде струн всего две, но мелодия каждый раз получается разной.

— Хотите посоревноваться со мной? — тёмные брови сошлись на переносице, но голос остался непроницаемо-спокойным.

— Возможно. Если найдётся интересное дело.

Открыто насмешливый тон задел Бориса за живое. Он не смог сохранить ровный голос и следующую фразу почти выплюнул:

— Интересное? Каждое дело, которое к нам попадает — это чьи-то боль и слёзы! Вам кажется это забавной игрой?

— Именно, — спокойно парировала Шут. — Я не испытываю никаких чувств ни к пострадавшим, ни к обвиняемым. И кто из нас в итоге раскрыл дело? Я верю только в худшее в людях, в каждом из них живут грехи, у некоторых они обретают такую силу, что толкают слабохарактерных хозяев на преступление. Вот такие сильные эмоции мне и нужны.

На мгновение Шуту показалось, что Борис вот-вот выйдет из себя, что эмоции наконец-то возьмут вверх. Но наваждение пропало так же быстро, как и появилось, «идеальный детектив» пересилил, и Борис с достоинством ответил:

— Я поступил на службу, чтобы сделать мир хоть на самую малость справедливее, чтобы невиновный человек не сидел в тюрьме, а виновный получил по заслугам!

Маска Шута дала трещину. Лицо скривилось так, словно у детектива разом заболели все зубы. «Как красиво и глупо, — произнесла она одними губами и незаметно запустила руку в карман. В небольшом пространстве быстро нашёлся заветный пузырёк, пальцы сомкнулись на холодном стекле. — Ты до сих пор слишком идеален... Неокрепшая зависть не может укорениться. Не хотелось, но придётся использовать уже вылупившуюся».

С тихим хлопком поддалась крышечка, Зависть выбрался из бутылки и пошевелил жвальцами, будто попробовал на вкус воздух. Видимо, почувствованное ему понравилось, потому что он задорно перекувыркнулся в воздухе и устремился к Борису.

Покружив возле его головы, Зависть придирчиво выбрал место. Он задержался у основания черепа, подобрался ближе и резким броском кинулся на первый позвонок. Несколько рядов острых зубов вцепились в кожу, не причиняя ей вреда. Борис дёрнулся и хлопнул себя по шее, но поздно — Зависть уже заполз в голову.

— Я лучше, я должен стать первым! — сперва голос следователя звучал неуверенно, пробуя слова на вкус, и креп, становился увереннее. — У меня больше опыта, больше раскрытых дел, я обязательно выиграю следующую схватку за справедливость! — громко и чётко произнёс Борис, глядя на пустующее место возле стены, где несколько мгновений назад он видел сидящую на стуле Шута. — Я отберу у тебя победу!

— Попробуй, я буду с нетерпением ждать, — едва различимые слова сквозняком прошелестели по допросной. Прикосновение горячего воздуха шевельнуло мягкие волосы, ноздри наполнил запах горящих спичек.

— Встретимся в следующем деле. Надеюсь, тогда в этом месте будет потеплее.

Будто вторя мыслям Бориса трубы натужно завывали, закрипели, и первые слабые струйки тёплой воды побежали по батареям. Включили отопление.

Из крана в туалете следственного комитета хлестала вода. Шут подняла глаза на своё отражение в потускневшем зеркале. За левым плечом расплывчатой серой фигуры сгустился плотный клубочек мрака. Он щурил алые глаза и неприятно ухмылялся.

— Почему ты дал мне такое странное имя? — Шут прикоснулась к зеркалу кончиками пальцев, не оставив отпечатков.

— Потому что с давних пор лицемерный двор боялся только одного человека, который всегда говорил королю правду. Шут был главным обличителем греха, и так должно остаться. Ты же помнишь наш договор? — алые огоньки на фоне бесформенной тени на долю секунды сверкнули ярче.

Поверхность зеркала исказилась, по ней пошли тонкие трещинки. Они росли, изгибались и будто наполнялись изнутри сияющей алой магмой. Тонкие огненные ниточки росли и превращались в буквы, в слова, в предложения.

«Правило первое: у Шута нет своего имени, только прозвище, которое дал ему король, — произнесённые слова впивались в мозг, оставляли калёное клеймо. — Правило второе: у Шута нет своего лица, только маски, которые он меняет по усмотрению владыки. Правило третье: Шут обязан говорить только правду и ничего кроме правды, за любую ложь король волен казнить его».

— Остановись! — грязно-серые глаза зажмурились, но образ алых букв не исчезал. — Хватит!

Огненные буквы стали бледнее, медленно начало таять тёмное облачко. Но прежде чем исчезнуть, тихий голосок прошипел:

— Никогда не забывай: если продолжишь говорить правду, получишь желаемое, но, если хоть раз ошибёшься, то станешь моей безвольной марионеткой. Не разочаруй меня, Шут.

Жадность

План рухнул в пять часов девять минут пятьдесят девять секунд утра.

Борис ложился спать с намерением приехать в отдел пораньше, чтобы доделать квартальный отчёт в относительной тишине. Намерение было твёрдым, прямо как бицепсы, которые следователь старательно качал набором дорогих гантелей. Вопреки всему они ещё не нашли своё последнее пристанище под диваном и использовались три раза в неделю. Очень твёрдое, в общем, намерение. Оно стойко держалось вплоть до первого будильника.

В пять часов утра телефон начал орать что-то на нецензурном и бешено жужжать, норовя свалиться с тумбочки. Одеяло заворочалось, из-под него выбралась рука и потянулась к источнику звука. Но вместо привычного «стоп» палец почему-то попал по значку паузы, а Борис не сел на диване одним быстрым движением. Он утянул руку обратно под одеяло, глубоко вдохнул и снова затих, погрузившись в блаженную полудрёму.

Коварный будильник выжидал. Он отсчитывал секунды, кропотливо складывал их в минуты и готовился к новой атаке. Три... Две... Одна...

Выкрученная на максимальную громкость бодряя мелодия звонка сбила заготовленную будильником тираду. Даже ещё не до конца проснувшись, мозг Бориса моментально среагировал на рингтон, установленный только для одного контакта. Следователь оказался на ногах быстрее, чем открыл глаза, и схватил трубку:

— Да, Юлия Викторовна?

— Борис, прошу прощения, что так рано, это срочно, — в голос прокралась плохо сдерживаемая дрожь, глубокий грудной тембр надломился. — Адрес в мессенджере, жду.

Телефон тихо булькнул и звонок оборвался. Борис швырнул потухший прямоугольник на беспорядочно смятое одеяло и метнулся в ванную. В спешке побрызгав в лицо холодной водой, повозив по зубам мелко дрожащей электрической щеткой и пару раз проведя по волосам простеньким пластиковым гребнем, он стал выглядеть как модель с подиума, над которой колдовали стилист, визажист и парикмахер. Следователь и сам не понимал, как это работает, даже его более молодым коллегам не всегда удавалось выглядеть настолько безупречно, однако долго раздумывать он не стал: районный прокурор не стала бы звонить так рано без причины.

На всякий случай сразу натянув свежую форму, Борис закинул в карманы телефон и удостоверение и поспешил к машине. Зелёный продукт отечественного автопрома дожидался хозяина на платной парковке недалеко от дома. Вернее, зелёным он был вечером, а теперь его покрывал объёмный сугроб.

Бурча под нос неразборчивые ругательства, Борис полез в багажник за щёткой и лопатой, освобождать транспортное средство из белого плена. Пушистый первый снег легко сыпался под ноги, из-под него быстро появлялась травянисто-зелёная краска, что скорее наводило на мысли о весне, когда возле теплотрасс уже вовсю лезли упрямые побеги первых одуванчиков, а с неба временами ещё сыпалась холодная труха.

После того, как машина приобрела изначальный цвет и даже как-то посвежела, Борис совсем немного помахал лопатой, только чтобы расчистить выезд и небольшой пяточок перед водительской дверью. На большее у него не осталось времени, да и не имело смысла: возле поста охранника уже притаился маленький трактор, который ринется чистить территорию сразу, как только большинство людей разъедутся на работу.

Перекинувшись парой фраз с сонным после ночи охранником, Борис выехал сперва на маленькую улицу между ровными рядами новостроек, а потом и на широкую дорогу.

Для коммунальных служб первый снег как всегда стал полнейшей неожиданностью. О нём предупреждали в прогнозе погоды на всех сайтах, по радио, по телевизору, однако чистить

шестиполосное шоссе начальство отправило доблестный отряд из двух стареньких, яростно плюющих чёрным дымом тракторов и десятка гостей из ближнего зарубежья. Мужчины опирались на лопаты и с грустью взирали на объём работ «начать и кончить».

Борис притормозил на красный свет возле пустого пешеходного перехода и отвлекся на навигатор. Когда периферийное зрение уловило жёлтый сигнал светофора, следователь вернул внимание на дорогу.

Знакомая фигура в сером костюме в рябющую мелкую полоску на секунду задержалась у края полустёршейся зебры, будто раздумывала, делать ли шаг к машине, и исчезла. От тихо шипящего кондиционера пахнуло жаром, и по салону растёкся горьковатый запах горелых спичек.

Загорелся зелёный свет, но Борис не сразу нашарил педаль газа, его взгляд беспорядочно метался по пустой улице, желая... Что? Убедиться, что ему не почудилось? Или же наоборот, что сонное сознание сыграло с ним злую шутку? Он и сам не мог сказать наверняка.

— Продолжайте движение прямо, — мягко напомнил приятный женский голос из динамика телефона.

Сильнее сжав пальцы на шершавом пластике руля, Борис тронулся с места, пока светофор не переключился снова на красный. Он старательно не смотрел по сторонам больше, чем того требовало вождение, просто следовал монотонным указаниям навигатора, который скоро увёл его с шоссе на маленькую улицу, затем во дворы, а после и вовсе загнал в какую-то арку.

Когда Борис окончательно перестал понимать, где находится, программа любезно сообщила: «Вы приехали. Ваше место назначения находится справа». Следователь дёрнулся, будто вынырнул из сна, и огляделся.

Возле крыльца, выложенного мраморной плиткой, дежурили две полицейские машины со включёнными проблесковыми маячками, а чуть дальше стояла бордовая легковушка — районный прокурор уже прибыла на место. Борис припарковался рядом и выбрался из салона.

Нога погрузилась в грязную кашу из полурастаявшего снега, песка и реагентов, ботинок и край штанины моментально намокли. Короткое бранное слово почти сорвалось с кончика языка, но Борис сумел сдержаться и только клацнул зубами. Под сочувствующими взглядами полицейских следователь поднялся по ступеням и, обменявшись с ними дежурными приветствиями, получил указание подниматься на четвёртый этаж.

Автоматические двери перед ним распахнулись, лицо обдало горячим воздухом. Борис внутренне напрягся, снова ожидая ощутить запах жжёной серы, но уловил только что-то сладкое, цветочное. И шагнул в вестибюль.

В ранний час в огромном помещении было пустынно, только возле кулера стоял, покачиваясь, мужчина в приметной синей толстовке с вензельной буквой «Д» и мелкими глотками цедил воду из одноразового стаканчика. Его мутный взгляд застыл в одной точке, а лицо казалось до зелени бледным. Борис только хмыкнул про себя: болельщик явно хорошо провёл половину ночи, но расплата настигла его до того, как он успел добраться до номера. Денис не упустил бы шанса позлорадствовать над страдающим фанатом — он тяжело переживал вчерашний проигрыш любимой красной команды.

— Я вас провожу! — к Борису подскочила администратор с бейджиком «Анастасия».

— Благодарю, не стоит, — он жестом остановил её. — Мне объяснили, куда идти, а вот вашему постояльцу, похоже, не помешает помощь.

Борис дружелюбно улыбнулся и проследовал к лестнице, оставив разочарованно вздыхающую Анастасию разбираться с перебравшим болельщиком.

Четвёртый этаж оказался обмотан красно-белой заградительной лентой, как новогодняя ёлка гирляндами. В обоих концах длинного коридора стояли полицейские, ещё один нервно топтался возле двери в один из номеров. «Туда,» — мгновенно понял Борис. Он перебросился

приветствиями с дежурным, натянул на ботинки мерзко шуршащие бахилы, чтобы не добавлять работы криминалистам, и проследовал в номер.

Просторный, с двумя комнатами, тот оказался оформлен в приятной бежево-зелёной гамме. Успокаивающее сочетание способствовало хорошему отдыху и совершенно не настраивало на работу. А работа предстояла нелёгкая, на что намекало внушительное бордово-красное пятно на светлом ковролине.

Прокурор района стояла у стены недалеко от входа и устало потирала переносицу. Ранний подъём не добавил ей ни хорошего самочувствия, ни, похоже, благодушия. По крайней мере снующие туда-сюда криминалисты делали возле неё значительный крюк.

— Юлия Викторовна, доброе утро, — Борис подошёл ближе и невесело усмехнулся: — Если, конечно, слово «доброе» применимо в нашей ситуации.

— А, Борис, вы так быстро добрались. Доброе утро. — Прокурор тоже попыталась натянуть на лицо улыбку, но тут же сморщилась и прижала ладонь к виску. — Как ни странно, но утро можно назвать добрым, — продолжила она, справившись с собой. — Мы выезжали на убийство, а приехали только на покушение. Наш несостоявшийся труп сейчас в реанимации, есть шанс, что выкарабкается, поэтому пока сто пятаю не вменяем.

— И что, уже есть подозреваемые? Мою работу сделали без меня? — Борис усмехнулся.

— Есть-то есть, но поработать вам придётся, — Юлия Викторовна шутку оценила и фыркнула, но тут же снова посерьёзнела. — Подозреваемый вину не признаёт, а когда наша доблестная городская прокуратура проснётся и получит отчёт, у них начнётся истерика. Наш пострадавший — иностранный гражданин, прибывший на музыкальный конкурс. Участником от своей страны. Представляете, какой будет скандал?

Борис представлял. И заранее похолодел.

— Понял, работаем быстро, чтобы к девяти хоть что-то им предоставить, — опытный следователь умел держать себя в руках и знал, как действовать. — Кого уже взяли?

— Телохранителя. Подробностей не знаю, мы ждали вас, но, как я поняла, у него изъяли пистолет, в магазине которого отсутствовал один патрон. Оружие изъяли, баллистам отправили, но это не дело пары минут.

— Я допрошу его, — Борис кивнул. — Где он сейчас?

— Номер с другой стороны. Пострадавший хотел держать его поблизости.

— Тогда логичнее было бы жить в одном номере, тут же две комнаты.

— Вот об этом вам лучше спросить одну из сторон, мне-то откуда знать причины. — Юлия Викторовна поморщилась, пытаясь сдержать зевок. — Сейчас криминалисты закончат, документы оформлять будем, а по результатам допроса выйдем с мерой пресечения. Бланки протокола допроса есть у ребят, которые сейчас с подозреваемым, они вам выдадут.

Борис кивнул. Он прекрасно знал, что порой действия и преступников, и пострадавших не поддаются никакой логике, но за годы работы привык и смирился. Покинув место преступления, Борис пересёк узкий коридор и вошёл в дверь с противоположной стороны.

Номер был поменьше и всего с одной комнатой, зато уютный и хорошо зонированный. С порога можно было увидеть только небольшой кофейный столик с пуфом и три кресла в скандинавском стиле. Возле одного из них застыл напряжённый полицейский, а в другом сидел, сгорбившись и обхватив голову руками, крупный мужчина с ёжиком каштаново-русых волос. Лицо его разглядеть не получалось, а вот на шее Борис заметил крупный белёсый шрам, тянувшийся от мочки уха и скрывающийся за растянутым воротом серой футболки.

— Доброе утро. — Борис обменялся кивками с полицейским, немного подвинул кресло, чтобы оказаться напротив подозреваемого, и дружелюбно улыбнулся. — Я следователь Карпатов, Борис Владимирович. Уполномочен допросить вас по делу о покушении на убийство и причинении вреда здоровью вашего нанимателя. — Он заметил на столике картонный план-

шет с подготовленными бланками допроса и подтянул его ближе. — Вы мне расскажете, что произошло?

Мужчина поднял голову и с трудом сфокусировал взгляд на следователе. Его серо-голубые глаза были широко распахнуты, от них по щекам протянулись две влажные дорожки.

— Это не я... — прошептал он, едва шевеля искусанными губами. — Я никогда больше не выстрелю в человека... Никогда... Я не смогу...

Снова опустив голову, мужчина попытался сжать пальцами короткие волосы, но не смог ухватить их, ногти впились в кожу, оставляя за собой стремительно розовеющие полосы. Стрелка дешёвых китайских часов на его запястье дёрнулась и замерла.

Откуда-то справа пахнуло жаром, в носу защекотало от сладковатого запаха горелых спичек. Ощущение присутствия обрушилось внезапно, подсознание буквально завопило об опасности. Что-то странное, чужеродное, не принадлежащее этому миру появилось совсем рядом.

— Выпейте, — прошелестел безэмоциональный, тусклый голос, и в поле зрения Бориса появилась тонкая рука, пододвинувшая мужчине стакан с водой.

Следователь понял, кому она принадлежит, ещё до того, как перевёл взгляд на последнее кресло, секунду назад бывшее свободным.

Женщина в нём ничуть не изменилась: абсолютно незапоминающееся лицо, дурацкий деловой костюм в мелкую рябящую монохромную клеточку, и глаза. Прозрачные, ничего не выражающие глаза снулой рыбины. Она лишь мимолётно взглянула на Бориса, и ему стало не по себе.

А вот подозреваемый, напротив, как-то оживился, схватил стакан и осушил его парой глотков. Поставил стеклянную ёмкость на столик, глубоко вдохнул, выдохнул и стал выглядеть спокойным и собранным. Его не портили ни потрёпанная майка, ни пижамные штаны с вытянутыми коленками, на которых запеклась бордово-красная корка. Теперь он смотрел осмысленно и даже смог задать единственно верный в этой ситуации вопрос:

— Кто вы?

— Ваш адвокат, можете называть меня Шут, — не меняя выражение лица, отрапортовала женщина. — Теперь вы можете дать показания.

— Но это как-то... — телохранилитель нахмурился, намереваясь ещё что-то сказать, но Шут не позволила, с нажимом повторив:

— Вы можете дать показания. Назовите ваше имя и расскажите всё, что видели.

Запах горелых спичек усилился, от него немного закружилась голова. Борис замотал ей изо всех сил, пытаясь разогнать плавающие в сознании клочья вязкого тумана. И ему помогло, а мозгах немного прояснилось, хотя и не до конца. А вот телохранилитель не сумел скинуть наваждение.

— Моё имя Сверидов Геннадий Михайлович, — монотонно заговорил он. — Я работаю в агенстве у друга, мы предоставляем услуги по охране. Два дня назад нам поступил запрос от болгарского певца Лазаря Димитрова, который приехал на международный конкурс. Мне нужно было просто ходить позади и провожать его к и от машины. Ну, возить его ещё я вызвался, с такси больше мороки было бы, а у меня машина своя.

— Ему угрожали? — спросил Борис.

— Никто ему не угрожал, мы съездили на репетицию, потом он пел в ночном клубе и мы вернулись сюда. Я собирался домой поехать, у нас контракт дневной только, но он хотел, чтобы я остался, доплатил, снял мне этот номер. Не знаю, зачем ему это, но мне не сложно, жена к родне в другой город уехала погостить на недельку, чего мне в пустой квартире куковать? Я засиделся в коротких видосах, но уже спать готовился, когда выстрел услышал, а потом топот. Меня с кровати как ветром сдуло, я к двери кинулся, выглянул, а у Лазаря дверь номера распахнута и как будто чья-то фигура за поворотом мелькнула. Ну, я в комнату бросился, а он там лежит, и из раны кровяща хлещет. Я сообразить ничего не успел, тело как-то само двигалось,

просто рану зажал и как заору: «Врача! Вызовите врача!» Наверное, половину постояльцев перебудил, кто-то в скорую позвонил. Врачи его увезли, а мне успокоительное дали и сказали полицию дожидаться. И я ждал.

Геннадий Михайлович замолчал. Его руки расслабленно лежали на коленях ладонями вверх, и он покачивался из стороны в сторону, но постепенно к его движениям возвращался контроль. Взгляд стал цепким и пытливым, несколько раз дёрнулись, будто пробуя свои возможности, пальцы. Наваждение теряло силу, уступая место разуму. Телохранитель оказался не так прост.

— Это было правильно, — похвалил его Борис и, бросив быстрый взгляд на Шута, продолжил: — Вы сказали, что видели кого-то, скрывшегося за поворотом, сможете описать?

— Не смогу, — тот мотнул головой. — Я самого человека не видел, слышал шаги только, а потом увидел отражение. Там лифт, у него двери хромированные, вот я в отражении видел силуэт. Но это точно женщина была.

— Как вы это поняли?

— Так каблуки же, она на каблуках была. Хотя бежала странно. Знаете, как ловко женщины в этих своих лодочках бегают? А эта скребла набойками по полу и спотыкалась.

Борис нахмурился. Как ловко женщины перемещаются в неудобных туфлях, он знал. Та же Юлия Викторовна спокойно могла оставить позади многих полицейских, и это несмотря на шпильки и довольно узкую юбку. Конечно, всегда есть шанс, что женщина просто не привыкла к такой обуви, в конце-концов ходьба на каблуках — это не врождённое умение. Но зачем тогда идти «на дело» в такой обуви? Кроссовки были бы лучшим решением. С одной стороны, попытка убийства могла быть не запланированной. Но с другой... А много ли женщин носят с собой пистолеты в ридикюле?

Если принять на веру то, что говорил телохранитель.

— В вашем пистолете отсутствует один патрон. — Борис решил говорить без обиняков. — Как вы это объясните?

— А, это! — Геннадий Михайлович почему-то ошутимо расслабился. — Так пришлось в потолок стрелять. Когда Лазарь в ночном клубе был, там драка началась, четверо самых ретивых на сцену полезли, а у тех из охраны только пара задохликов, их смели быстро. Один я бы тоже не факт что с ними справился, так что вытащил пистолет и в потолок шмальнул. Там и дырка в штукатурке осталась, и записи с камер есть, и объяснительную я написал, там как раз наряд подъехал!

Выглядело правдоподобно. Борис поставил себе мысленную записку уточнить про записи, хотя тренированная «чуйка» следователя подсказывала, что дело разваливается без подозреваемого. Ну, не считать же подозреваемой тень таинственной женщины в отражении дверей лифта! А впрочем...

— Вы не знаете, заходил ли к вашему нанимателю кто-то помимо вас?

— Ну, был кое-кто, но там точно не ради убийства, точно, вам не будет интересно.

— Позвольте мне самому решать, что может оказаться полезным для следствия, — отрезал Борис и внутренне подобрался.

— Да горничная тут одна есть, она всем постояльцам мужского пола предлагает за отдельную плату кое-какие услуги, думаю, вы понимаете. Но она б Лазаря не стала убивать, он хотел после конкурса с ней... отдохнуть. У них финал через пять дней, он и сказал, что, после того, как выиграет, готов её услугами воспользоваться, а пока ему нужно голос поберечь.

— Он так и сказал? Не «если», а «когда»? — Борис выгнул бровь. — Потрясающая самоуверенность.

— Ну, я не особо в этом понимаю, да и не вникал, но типа конкурентов у него особо не было. Самыми крутыми на этом конкурсе считались наш местный мальчонка, Лазарь и какой-

то чех. Причём наш в рейтингах только третий, а вот Лазарь — фаворит. Так что девице вполне могло «перепасть».

Геннадий Михайлович захмыкал, а потом и вовсе прыснул в кулак. Борис хотел было возмутиться, но его внимание привлёк ещё один, совсем тихий смешок. Он скосил глаза и заметил, как губы детектива на мгновение скривились в чём-то напоминающем улыбку. На плоском незапоминающемся лице это выглядело настолько дико, что Бориса передёрнуло. Как будто на листе бумаги нарисовали красным маркером неровный полукруг и наклеили на человеческую голову. Следователь зажмурился, мотнул головой и снова взглянул в ту сторону. Шут снова выглядела безучастной.

— Как зовут эту горничную, вы знаете? — Борис вернулся к допросу.

— Не, ей Лазарь только сказал: «Приходи в воскресенье вечером, плачу двойную цену». Ну, и всё, она ушла.

— Надо будет её найти, — пробурчал Борис себе под нос и потёр кончик, когда запах серы усилился. — И отчёт криминалистов дожидаться... Геннадий Михайлович, — произнёс он уже громко, — благодарю за содействие, возможно, позже у нас появятся ещё вопросы. А пока...

Он собирался было уточнить, не хочет ли самопровозглашённый «адвокат» тоже задать пару вопросов, но, обернувшись, обнаружил, что третье кресло пусто. Какое-то смутное подозрение тяжёлым комом встало в горле, засосало под ложечкой. Следователь медленно перевёл взгляд на стол. Ну, конечно.

На закалённом стекле мирно лежали аккуратно исписанные его почерком бумаги. А ведь, памятуя о прошлом, Борис нарочно не заполнял протокол допроса и даже не достал ручку, которую всегда на всякий случай носил в кармане форменного пиджака. Следователь прикоснулся к правому боку. Ручка лежала на прежнем месте.

В хромированной поверхности разглядеть что-то отчётливое не получалось. Костюм в мелкую рябющую клеточку почти полностью сливался с грязно-серой сталью, выделялись только бледное лицо и чёрная тень за левым плечом, которая таранилась из отражения алыми бусинками глаз.

— Ты уже выбрала, у кого будешь искать грех? — свистящий голос исходил, казалось, отовсюду, словно сами стены кабины лифта тёрлись о неровную шахту и натужно скрипели.

— Замолчи, — резко бросила Шут, отворачиваясь к панели, оклеенной объявлениями с предложениями дополнительных платных услуг отеля.

— Злюка, злюка! Вот возьму и обижусь!

Шут не стала отвечать, потому что дверцы разъехались в стороны, выпуская её в залитый светом вестибюль. Там по-прежнему было пустынно, только администратор по-английски уговаривала постояльца в синей толстовке подняться к себе в номер. Тот уже переместился на кресло и кивал, как китайский болванчик, но даже не делал попыток подняться. Похоже, продолжалось это уже довольно долго, потому что бейджик у Анастасии съехал в сторону, а глаз ощутимо подёргивался. Когда же начало казаться, что до гостя вот-вот дойдёт, чего от него хотят, он вдруг вскинулся и завопил:

— Vyhrali! Hura!¹

Анастасия отпрянула, коротко пискнув, но постоялец вдруг уронил голову на грудь и захрапел. Шут неслышно приблизилась и обратилась к администратору:

— Добрый вечер, Анастасия.

Та охнула и дёрнулась от неожиданности, но профессионализм пересилил. Растянув губы в приветливой улыбке, она прошептала:

¹ Выиграли! Ура! (чешский)

— Здравствуйте! Чем я могу вам помочь?

— Сперва я помогу вам, — отозвалась Шут и сделала шаг к проблемному постояльцу.

От прикосновения тонких пальцев к своей руке он подскочил, будто его ужалила змея, и уставился на женщину перед собой. Она наклонилась и негромко заговорила:

— Vratte se do sveho pokoje², — губы детектива шевелились, но свистящий голос будто исходил откуда-то из-за её плеча.

И мужчина подчинился. Его мутный невидящий взгляд остановился на лифте, ноги сами собой понесли в ту сторону. Дверцы маленькой кабины открылись перед ним, пропуская, а затем захлопнулись. И тогда администратор выдохнула.

— Как вы это сделали? — она взглянула на Шута едва ли не с восхищением.

— Просто обратилась на его родном языке, — цепкие грязно-серые глаза уставились на Анастасию. — Я детектив, мне нужно поговорить с вами без посторонних глаз.

— А, конечно! Вы, должно быть, коллега того симпатичного полицейского, который тут недавно проходил?

— Можно сказать и так, — Шут не стала спорить, чтобы не спугнуть так удачно разговарившуюся работницу отеля. — Я не займу много времени, всего пару вопросов. В первую очередь мне нужно узнать, сколько блондинок вы видели в отеле за последние сутки. Примерно.

— Странный вопрос, — засмеялась Анастасия. — У нас сейчас почти всё выкуплено под конкурс, а основные участники заезжать будут только завтра после обеда, так что блондинка у нас сейчас одна, да и та не из постояльцев. Наша горничная, Жанна, как раз сегодня дежурит.

— Я могу поговорить с ней?

— Зачем? — Анастасия ощутимо напряглась. — Её в чём-то подозревают? У нас в отеле строго с судимостями, если она в чём-то замешана, то я должна немедленно сообщить начальству.

— Мы опрашиваем не только подозреваемых, но и свидетелей, — уклончиво ответила Шут.

— А, тогда ладно. Она сейчас должна быть либо в левом крыле правого этажа, либо, если закончила с подготовкой номеров к раннему заезду, в подсобке.

— Благодарю. И подготовьте, пожалуйста, копии записей с камер видеонаблюдения. Их передадите следователям.

— Это я уже сделала, их забрал симпатичный молодой человек в форме.

Анастасия мечтательно подняла глаза к потолку и прижала ладони к обтянутой белой рубашкой полной груди.

«Борис,» — догадалась Шут.

«Тебе стоит поторопиться, он уже перехватил инициативу,» — прошуршал сипящий голос на грани слышимости.

— Что вы сказали?

Анастасия вздрогнула и снова уставилась на детектива. Вернее, на то место, где та мгновение назад стояла. А теперь там никого не было. Администратор мотнула головой и вернулась за свою стойку.

Тележку горничной Шут обнаружила на пятом этаже в дальнем конце коридора. Та сиротливо стояла возле двери, но самой Жанны видно не было.

Нахмутив тонкие брови, детектив шагнула к хлипкой деревянной створке и на пробу толкнула её. Та не поддавалась, запертая на замок с обратной стороны. Шут сделала шаг и оказалась внутри комнаты.

² Возвращайтесь в свою комнату. (чешский)

Простой одноместный номер выглядел чистым: протёртые стаканы, поставленные вверх дном на небольшом столике, мусорный пакет, завязанный и приготовленный на выброс, и стопка чистых полотенец на застеленной кровати. А на ковре, с комком постельного белья под головой — крепко спящая девушка.

Она напоминала статую караульного солдата, опрокинутую навзничь. Осветлённые волосы повывлезали из низко стянутого хвостика, превратившись в неопрятное гнездо, фартук скомкался, руки безвольно лежали вдоль тела. Только грудь мерно вздымалась и опадала в такт дыханию, да тикал таймер на телефоне, валяющемся неподалёку.

Шут сделала шаг к нему, вглядываясь в цифры на экране. В эту секунду обратный отсчёт дошёл до нуля, и динамик разразился нестерпимо-мерзким писком.

Жанна подскочила мгновенно. Рука метнулась к телефону быстрее атакующей кобры, отточенным движением отключая звук. Опустив голову, она провела ладонью по лицу и сделала глубокий вдох, вместе с воздухом втягивая в лёгкие сладковатый запах жжёной серы.

— Могу я с вами поговорить, Жанна? — негромко спросила Шут.

— Я не спала! — внезапно взвизгнула горничная, вскакивая на ноги. — Я работаю, у меня ещё несколько минут на уборку этого номера!

Широко распахнутые голубые глаза смотрели прямо на детектива, но мозг, похоже, не понимал, кто перед ним, не мог сложить картинку. Однако у Шута не было времени ждать, пока Жанна окончательно проснётся и начнёт задавать бесполезные вопросы о том, кто она и как оказалась в запертой комнате.

— Я вижу, что вы заняты, поэтому задам лишь пару уточняющих вопросов, — негромко произнесла она. — Во-первых, почему вы продолжаете спокойно работать, когда буквально пару часов назад в отеле произошло покушение на убийство?

— Если я не закончу с уборкой номеров к раннему заселению, менеджер меня уволит! Она так и сказала! А мне никак нельзя потерять эту работу!

— Покушение на убийство, — с нажимом повторила Шут.

— Да хоть зомби апокалипсис! У меня на шее больная раком мать и сестра-инвалид!

— Логично. Дополнительные, кхм, услуги вы оказываете по этой же причине?

— А что, думаете, горничной много платят? — Жанна ощерилась, а её взгляд постепенно становился более осмысленным. — Кто вы такая, чтобы меня осуждать?

— Я не осуждаю, мне нет дела до ваших источников дохода. Я детектив, расследующий покушение на убийство, поэтому задам последний вопрос и уйду. Иностранному певцу, Лазарю, вы тоже предлагали это?

Шут задала единственный вопрос, который на самом деле волновал её. Остальное было лишь к нему подводкой, чтобы рыбка не спрыгнула с крючка. И Жанна попалась.

— Вы серьёзно думаете, что я знаю, о ком вы? — горничная упёрла руки в бока и поджала губы. — Как будто я постояльцев по именам запоминаю. Их тут сейчас двое всего, так уже весь персонал на ушах! А завтра вообще начнётся ад!

— Четвёртый этаж, двухкомнатный полулюкс.

— А, этот! Да, он сказал, что воспользуется моим предложением! Он и чаевые хорошие дал за то, что я ему кофе принесла, и за номер доплатил без вопросов, участникам конкурса вообще-то стандарты бронированы. А вот второй, который тоже на день раньше приехал — жмот! Гонял меня весь вечер, чаевых не дал, да ещё и заявил, что дорого беру, он себе в баре дешевле подцепит, видите ли!

— И вы это стерпели?

— А что мне было делать? — Жанна раздражённо дёрнула плечом. — Не он первый мне отказал, не он последний. И вообще, мне работать надо, — она бросила взгляд на часы и наклонилась за комком грязного постельного белья. — Надеюсь, больше ко мне нет вопросов?

Она выпрямилась и взглянула на детектива исподлобья. Шут решила, что на сегодня хватит, благодарно кивнула и положила на скомканную простыню в руках горничной её телефон. Экран показывал таймер с обратным отсчётом, у которого оставались последние секунды.

Резкая громкая трель заставила Жанну вздрогнуть и посмотреть вниз. Сработал сигнал, который она всегда ставила, если успевала закончить уборку номера раньше выделенного времени и могла несколько минут подремать. И который отключила до того, как заметила в комнате постороннего человека, представившегося детективом. Он не мог сработать дважды. А детектив не мог пройти сквозь дверь, которую Жанна заперла на ключ с обратной стороны. Но таймер продолжал звенеть.

Горничная подняла взгляд, обвела им весь номер. В комнате вместе с ней больше никого не было.

Шут снова оказалась на четвертом этаже. Она не воспользовалась ни лифтом, ни лестницей, просто появилась возле двери в номер пострадавшего. Дежурный полицейский посмотрел в её сторону, но его рассеянный взгляд не задержался на ней, соскользнул на заплombированный щиток с кнопкой пожарной тревоги и остался там.

Внимательно изучив коридор в оба направления, Шут повернулась лицом к лифтам и последовала по предполагаемому маршруту несостоявшегося убийцы. Прямо до хромированных дверей, а потом... Потом узкий проход снова раздваивался, и по обе стороны тянулись однотипные деревянные створки с номерами.

Сперва Шут прошла по коридору, который уходил направо. Он оказался коротким и заканчивался номером без цифры, только с надписью «Гранд люкс». Всё было безукоризненно чисто, но чуть спёртый, как будто слежавшийся, воздух явно намекал, насколько давно не открывались эти номера.

Решив для себя, что сюда преступник отправиться не мог, Шут вернулась к лифтам и направилась по следующему проходу. Тот был такой же узкий, с теми же типовыми дверями, только вместо цифр на них красовались таблички «инвентарь», «бельё», а в самом конце — «постирочная». И окно.

Обычное одностворчатое окно со старой деревянной рамой, выкрашенной в ореховый цвет. Главное, что отличало его от тех, которые были в номерах, — высота. Подоконник располагался гораздо ниже, даже Шуту он едва доставал до середины бедра, а Борис и вовсе смог бы перешагнуть его, подняв ногу чуть выше колена. Весь проём скорее напоминал дверь, которой сделали слишком высокий порог — такой же узкий и высокий. Хотя объяснялось такое странное конструкторское решение очень просто: на внешней стене здания располагалась пожарная лестница. Весьма побитая жизнью, но заботливо очищенная от ржавчины и покрытая серой краской.

Присмотревшись, Шут заметила на площадке, покрытой тонким слоем первого снега, длинный узкий росчерк. Как будто кто-то старался сразу перепрыгнуть на узкие перекладины спускающейся вниз лестницы, но случайно задел белый покров неудобной обувью. Из помещения было не разглядеть, что творится внизу, поэтому Шут взялась за оконную ручку и на удачу потянула её вверх. Та без проблем поддалась.

Детектив открыла противно скрипнувшую створку и выглянула на улицу. В лицо сразу ударил ветер и посыпалась мелкая белая крупа: снег немного стих, но так и не прекратился. Шут чуть сдвинула к переносице узкие брови — если всё так и продолжится, то в скором времени все следы исчезнут.

Оконное стекло не могло служить полноценной заменой зеркалу, но смутные очертания и красные глаза за левым плечом вполне угадывались в неверном отражении.

— Они были здесь? — тихо спросила Шут, глядя прямо в алые точки.

— Кто был? Тебе бы чётче формулировать предложения.

Шипящий голос мерзко захихикал, вокруг сильнее запахло жжёной серой.

— Не прикидывайся, ты меня прекрасно понял, — Шут даже бровью не повела и с нажимом спросила снова: — Криминалисты уже были здесь? Они сделали фотографии этих следов? Отвечай.

— А, может быть, и да, а, может быть, и нет, — издевательски протянул голос, а тень за плечом дёрнулась и расплылась. — Ничего не скажу, спроси сама у своего дружка!

Последние слова растворились в воздухе, очередной порыв холодного ветра сбил и развеял жар, окутавший невысокую фигуру в рябющем деловом костюме. Шут раздражённо цыкнула:

— Бесплезный.

Из внутреннего кармана она достала телефон в простом чёрном чехле и сделала несколько фото, пока мелкий колкий снежок не засыпал улики окончательно.

Снова высунувшись как можно дальше, Шут оглядела ступени, ведущие вверх, ведущие вниз и отметила, насколько различается на них слой снега. Стало очевидно, как именно преступник проник в здание. К сожалению, найти улики внизу уже не представлялось возможным: прямо под лестницей стояли мусорные баки, в которых всюду ворошилась стая бездомных собак. Если злоумышленник и оставил какие-то следы, то животные быстро превратили чёткие отпечатки в невнятное месиво из снега и грязи.

Понимая, что большего там не найдёт, Шут выпрямилась и почти захлопнула раму, но её взгляд задержался на нескольких светлых волосках, запутавшихся в заусенцах на деревянной раме. Они могли оказаться там случайно, если, например, горничная проветривала коридор, а могли остаться, когда преступник прижался в этом месте головой, собираясь прыгнуть сразу на лестницу.

Вместо телефона в её руке оказался пакетик для улик, куда она осторожно сложила снятые с рамы волоски. Убрала их в карман, детектив обследовала подоконник, но там уже не нашла ничего примечательного. Осталось только осмотреть устилающий пол ковролин.

Опустившись на колени, Шут провела пальцами по колкому ворсу. На фаланге указательного запутался длинный светлый волос. Она потянулась за новым пакетиком, но не успела.

— Вы что-то уронили? Нужно помочь? — мужской голос прозвучал над ухом неожиданно.

Шут не вздрогнула, но грязно-серые глаза подозрительно сузились. Во-первых, человек подошёл абсолютно неслышно, а во-вторых, детектив его узнала. Это был тот самый фанат синей команды, который никак не мог добраться до своего номера. Удивительно, совсем недавно он едва мог стоять на ногах, а теперь уже даже разговаривал вполне внятно. Да, с небольшим акцентом, но чётко и понятно. А ещё у него оказался очень приятный голос, глубокий и плавный. Быстро сложив в уме два и два, детектив поняла, что это тот самый второй участник, приехавший заранее.

— Нет, всё в порядке, благодарю, — она поднялась на ноги. — Вы что-то хотели?

— Я хочу получить утюг, — мужчина встряхнул свёрток, который до этого держал в руках, и тот превратился в сверкающий костюм в полупрозрачном портпледе. — Через четыре часа я буду репетировать, а мой костюм помятый после чемодана. Я просил горничную, чтобы погладила, но она куда-то пропала, не могу найти. А надо срочно.

— Вы же и без того приехали на день раньше других участников конкурса, к чему спешка?

— Можно репетировать и заранее, если желаешь, нет запрета. Почему бы не использовать возможность, раз менеджер купила дешёвые билеты на день раньше? Люблю петь на знакомой сцене. Ночью было нехорошо, когда едва не упал со сцены и ударил красного болельщика микрофоном. Случайно!

Шут снова смерила чеха оценивающим взглядом. Без мешковатой синей толстовки он стал выглядеть куда моложе и даже как-то выше. Из-под закатанных по локоть рукавов простой рубашки выглядывали тонкие руки с изящными кистями, а расстёгнутые верхние пуговицы открывали вид на выпирающие ключицы.

— Вы пошли болеть за любимую команду прямо перед конкурсом? Неужели не бережёте голос?

— А, плохой певец, который боится так делать! Спорт укрепляет дух, синие победили, значит, я тоже могу! Я пел их гимн вместе с остальными, и это было красиво!

— Что ж, ваш настрой вызывает уважение. Удачи на конкурсе.

— Спаси...бо...

Певец похлопал глазами, огляделся, но так и не нашёл взглядом того, с кем говорил секунду назад. Да и говорил ли? Лица в памяти не осталось, только какая-то невнятная рябь.

— Алло, слушаю? Нет, пока никаких новостей. Да, как только что-то станет известно, я сразу же вам позвоню. Да, мы работаем так быстро, как только можем. Нет, пока передавать дело не будем.

Борис повторял эти фразы в разной последовательности уже третий час. Раз в пять-десять минут городской или мобильный телефоны начинали неистово трезвонить, и какой-нибудь чрезвычайно важный помощник из городской или областной прокуратуры требовал немедленно доложить ему о том, как продвигается новое дело. И следователь останавливал видеозапись с камер наблюдения отеля, брал трубку и терпеливо отвечал на одни и те же вопросы. Вызвавшийся помочь Денис только качал головой и поддакивал, когда Борис устало вздыхал: «Достали».

Запись из коридора в момент покушения на Лазаря двое следователей осмотрели раз десять, проследили, куда направилась подозрительная блондинка, и обнаружили, что она скрылась за поворотом коридора с техническими помещениями. А там камер не было.

— Прекрасно, — простонал Денис. — Просто чудесно. У нас теперь под подозрением весь персонал и все постояльцы этого отеля. Мы их несколько дней, если не недель проверять будем! Город и область нас сожрут!

— Не думаю, — Борис остался абсолютно спокоен. По крайней мере внешне. — Скорее, они дождутся хоть каких-то результатов и постараются забрать дело себе.

— Забирали ли бы уж сразу тогда! Но нет, они сперва нам мозги выключают!

— Я не отдам это дело, — в неожиданном напором заявил Борис, поджав губы. — Я сам докапаюсь до истины и в этот раз буду первым!

— Чегой-то? Ты всё переживаешь из-за той детективши, которая нашла младенчика что ли?

— Вообще нет. Но это дело моё, я сам его распутая.

— Да как хочешь. Только мы того, в тупик зашли. В прямом и переносном смысле.

Воздух нагрелся, дёрнулась назад стрелка старых настенных часов. Денис забавно дёрнул носом, пригнувшись, а Борис только сильнее обычного сжал в руке мышку.

— Не совсем так. У меня есть кое-что интересное из того коридора, — раздался за их спинами свистящий тихий голос.

Худая рука протянулась над плечом Бориса, и на стол перед ним приземлились два стандартных пакета для улик. С бирками, описанием содержимого и пометкой «Провести анализ ДНК». А внутри каждого с трудом можно было различить несколько длинных светлых волосков.

— Что это? — брови следователя на секунду дёрнулись вверх, но почти сразу сошлись на переносице.

— Небольшой подарок, — Шут пожала плечами. — Нашла в том коридоре, которого нет на видеозаписи. Можете делать с ним, что угодно. Хотите — отправьте на экспертизу, хотите — выбросьте в мусор. Решать вам.

На плоском невыразительном лице не отразилось даже намёка на эмоции, зато в глубине грязно-серых глаз сверкнули алые искры. Под внимательным взглядом становилось неуютно, детектив будто заранее знала, какое решение примет следователь, и лишь выжидала.

Борис поднял оба пакетика и по очереди прочитал бирки: «4 этаж, коридор с подсобными помещениями, ковролин» и «4 этаж, коридор с подсобными помещениями, оконная рама». Он понимал, что криминалисты тоже осмотрели то место со всей тщательностью и наверняка пришлют большую часть отчётов если не до конца дня, то уже завтра утром. Любой следователь счёл бы подобный «подарок» издевательством и в лучшем случае отправил бы самоназванного детектива по всем известному адресу, а так называемые «улики» отправил бы в ведро. Денис покраснел, тяжело запыхтел и открыл было рот, чтобы высказать всё, что думает, но Борис опередил его:

— Спасибо. Я отправлю на экспертизу и, если это окажется что-то важное, приобщу к материалам дела.

— Хорошо. Приятно видеть, что есть те, для кого справедливость важнее глупых принципов.

Не успел Борис ничего ответить, как Шут исчезла, чтобы через мгновение появиться в другом месте.

В маленьком помещении с потрескавшейся плиткой на стенах едко пахло хлоркой. Кафель на полу ещё сохранил следы влажной уборки, поэтому двигаться приходилось осторожно, чтобы не поскользнуться на гладких чёрно-белых квадратиках. Обе кабинки, разделённые тонкой фанерой и с фанерными же дверями на щеколде оказались свободны, поэтому Шут без опаски подошла к небольшому прямоугольному зеркалу без рамы, висящем на одиноком гвозде над умывальником. На вычешенной до блеска советской раковине расположилась здоровенная бутылка дешёвого мыла с ароматом розы, от которого в носу начинало свербеть и чесаться, а рядом на приклеенном к стене пластиковом крючке уборщица заботливо повесила вафельное полотенце с выленявшимися розами.

В лабораториях криминалистов уже начало появляться современное оборудование, высокотехнологичные приборы, множество анализаторов, даже мощные компьютеры. Но коридоры и уборные мало чем отличались от того, как они выглядели сорок-шестьдесят лет назад, время как будто остановилось. Пока старый ремонт ещё удавалось поддерживать в подобии приличного состояния, деньги на новый никто выделять не спешил.

Из зеркала на Шута с нечитаемым прищуром глядели алые глаза. Тень не приобретала более чётких очертаний, разлившись за спиной сплошным маревом черноты, и только насмешливо прошипела:

— А ты странная. Зачем отдала такие важные улики? Не забыла, что соревнуешься с «идеальным следователем» и чем заплатишь за проигрыш?

— Помню, не волнуйся. Но я не какая-то благодетельница, как ты подумал, — детектив выдержала паузу, демонстративно намыливая руки, но всё же пояснила: — Я не даю ему подсказки, а лишь использую в своих целях. Я не криминалист, а мне нужны некоторые данные следствия. Зато я могу получить их немного раньше, чем он.

— Оо, неплохо, — шипящий голос из насмешливого стал заинтересованным. — Никогда бы не подумал, что ты на такое способна.

— Понятия не имею, откуда я столько о следственных действиях знаю, но что-то будто само в голове возникает.

Вытерев руки, Шут потёрла ладонью висок, будто что-то норовило прорваться в сознание, но его сдерживал невидимый барьер.

— Хм, занятно... — зашипела тень и колыхнулась. — Я думал, ничего от памяти не осталось, но, похоже, те несколько лет слишком глубоко впитались в само твоё естество...

— О чём ты? Что за несколько лет?

— Хех, не обращай внимания, это так, мысли вслух, — тень хмыкнула и растаяла до того, как Шут успела возмутиться и потребовать объяснений.

Та лишь раздражённо выдохнула и взглянула на самую странную деталь уборной: дешёвые, громко тикающие часы прямо над дверным проёмом. Они безжалостно показывали разгар рабочего дня, и стрелки ползли вперёд очень медленно. Непозволительно медленно.

Тик-так. Тик-так. Тик.

Секундная стрелка дёрнулась и замерла, так и не добравшись до следующей цифры. Минутная заколебалась между двумя соседними. А часовая двинулась вперёд. Натужно, будто через силу, скрипя ненадёжным механизмом, она ползла по цифербату. И вдруг щёлкнула, дрогнула, сделала полный оборот и прыгнула на цифру девять.

Тусклый свет, с трудом проникавший сквозь заклеенное полупрозрачной белой плёнкой стекло, пропал. Уборная теперь освещалась только двумя узкими лампами под потолком, а из неплотно закрытого окна ощутимо тянуло сквозняком, потому что за окном завывал ветер.

— Надеюсь, теперь время правильное... — задумчиво протянула Шут, продолжая смотреть на часы. — Со стрелочными всегда столько мороки...

За дверью слышались шаги. Кто-то шаркал по линолеуму, едва переставляя ноги, и громко зевал. Шут не стала дожидаться того, кто войдёт в уборную и неслышно исчезла, едва начала опускаться ручка.

Готовый отчёт лежал на столе у криминалиста. Он проставил на него все печати и подписи, уже к вечеру бумаги должны были отвезти в следственный отдел для приобщения к материалам дела. Оставалось только загрузить электронную версию во внутреннюю систему, чтобы следователь мог не ждать, очень уж он просил поторопиться. А ведь даже младшие лаборанты знали, что этот не гоняет просто так и, если Борис просил прислать информацию быстрее, значит, дело было архисрочное или архиважное. Они собирались задержаться в ночь, но на ближайшей подстанции произошла авария, половина района осталась без света. Поэтому анализ перенесли на утро.

Криминалист зевнул и запустил руку в ящик стола, где всегда хранилась его флешка с электронной подписью, привычно царапнул ногтями по днищу в правом дальнем углу. Пальцы сжались и ухватили пустоту.

— Что за фигня? — буркнул он и пошарил ещё.

Флешка так и не появилась на привычном месте. Отодвинув стул, криминалист принялся перебирать всё содержимое ящика. Когда руки стали уже ощутимо трястись от нервов, криминалист хлопнул себя ладонью по лбу и буркнул:

— Блин, я ж вчера её с собой брал и в машине оставил!

Поднявшись, криминалист взял ключи, накинул куртку и вышел из кабинета, заперев дверь. На столе остались лежать отчёт и молчаливый прямоугольник телефона.

Запах горелых спичек растёкся по маленькому помещению, к столу приблизилась фигура в костюме в рябющую полоску. Шут взяла отчёт в руки и пробежала глазами по ровным печатным строчкам. Результат анализов показал, что волосы в пакетах принадлежали двум разным людям, причём те, что с пола, принадлежали горничной отеля, а вот рядом с другими криминалист записал лишь пол — женский — и под знаком вопроса пометил, что на этих волосах обнаружены следы клея. «Возможно, парик,» — значилось в самом низу страницы.

Невнятно буркнув что-то себе под нос, Шут аккуратно сложила листки бумаги и опустила их на прежнее место. Она почти уже сделала шаг прочь от стола, но тут телефон криминалиста ожил, разразившись громкой мелодией. А на экране появилось имя контакта: Бирю-

чейко. Детектив нахмурилась. В отделе, где работал Борис, она слышала разговоры о некоем Виссарионе Антоновиче Бирючейко, который не так давно ушёл с места прокурора района на заместителя прокурора города. И, якобы, вся контора вздохнула с облегчением.

Шут взяла телефон в руки, кашлянула в кулак и провела пальцем по экрану, принимая вызов:

— Да, Виссарион Антоныч? — голос был один в один как у криминалиста.

— Доброе утро, Паша, вы уже на работе? — преувеличенно-бодро прозвучало из трубки.

— Конечно, а что такое?

— Сушая мелочь, хотел попросить вас прислать мне пару документов. Знаете же о вчерашнем покушении? Так вот, город взял его на контроль, поэтому мне нужны результаты всех экспертиз. Сможете?

— Ну, так-то можно... Но разве не проще будет запросить сразу все материалы дела у района?

— Я это тоже сделаю, не волнуйтесь, — Виссарион Антоныч старался говорить дружелюбно, но едва заметное раздражение всё же ощущалось. — Просто не хочу тратить время попусту. Пока запрос отправлю, пока что. А экспертиза мне многое объяснит.

Дальше препираться или пытаться что-то разузнать было бесполезно.

— Конечно, Виссарион Антоныч, мы отправим копии в город, — детектив подошла к окну и теперь неотрывно смотрела на криминалиста, который наполовину исчез в машине, охотясь за исчезнувшей флешкой.

В трубке зазвучали гудки — заместитель прокурора города не соизволил даже попрощаться.

Шут проследила взглядом за криминалистом, который вынырнул из недр автомобиля, захлопнул дверцу и широким шагом направился обратно к зданию. Она отступила от окна, положила на стол телефон и отчёт, а на рамку рабочего монитора приклеила стикер с напоминанием: «направить копию отчёта в город».

Ещё до того, как криминалист миновал вахту, в его кабинете снова было тихо и пустынно. Мерно отсчитывали минуты часы, молчал телефон, а от батареи едва ощутимо пахло чем-то сладковато-горелым.

Никем не замеченная, Шут прошла по коридору здания следственного комитета и вошла в комнату по соседству с кабинетом Бориса. Обычно там работал над своими делами Денис, но он уехал по делам, поэтому стул, так удачно расположенный прямо возле смежной стены, оказался свободен. А поскольку перегородки между кабинетами были немногим толще картона, детектив отчётливо слышала всё, что там происходило. Она прикрыла глаза, погружаясь в разговор, будто незримо присутствуя в соседней комнате и наблюдая за разговором со стороны.

— Борис, вам придётся уступить, — Юлия Викторовна говорила мягко, будто отчитывала непослушного ребёнка, но в её голосе ощущалась недюжинная сила. — Этим делом заинтересовался город, в течение трёх рабочих дней вам придётся оформить бумаги для передачи.

— Они захотели забрать его именно сейчас, когда появились ключевые улики? — Шут будто наяву увидела, как Борис сильнее стиснул кулаки.

— А вы ожидали чего-то другого? — районный прокурор сейчас наверняка приподняла бровь и отхлебнула дешёвый пакетированный чай с таким изяществом, словно попала на приём к английскому королю. Уголок пухлых губ дёрнулся в сторону, на мгновение придавая лицу презрительное выражение. — После того, как туда перешёл мой предшественник, это стало постоянной ситуацией.

Чуткий слух различил едва слышное «ш-ш-ш», и о деревянную поверхность стукнулось керамическое донце. Это с усилием выдохнув сквозь сжатые зубы, Борис взялся за свою кружку. Неудивительно. Весь отдел прекрасно помнил прошлого прокурора, который молодого

следователя почему-то невзлюбил с первого взгляда. Он не вступал в открытый конфликт, но делал всё, чтобы усложнить коллеге жизнь. А дорвавшись до крошечной толики власти, начал всю ей пользоваться.

— Я понимаю, — тихо ответил следователь. — Но это дело для меня очень важно, я хочу сам найти преступника.

— Если у вас уже есть версии, то отработайте их за эти три дня. Если нужен будет ордер, можете сказать мне, я сегодня лично иду в заседание, как раз и переговорю с Еленой Олеговой.

— Буду очень благодарен за помощь.

— Надеюсь, вам хватит времени, — а теперь Юлия Викторовна спрятала улыбку за чашкой. — Хочу увидеть перекошенную физиономию Бирючейко, когда почти раскрытое дело ускользнёт прямо из-под носа.

Борис должен был натянуть на лицо улыбку, чтобы не выдать, как по спине у него наверняка протёк липкий холодок: прокурор всегда была сдержана, но за этой маской скрывалась поистине дьявольская натура. В отличие от поистине непоколебимой судьи, эта женщина лишь хорошо притворялась таковой, подавая месть поистине холодным блюдом. Ссориться с ней не следовало.

Они перекинулись ещё несколькими фразами по другим делам, а потом прокурор покинула стены следственного комитета. Борис включил компьютер и принялся быстро-быстро что-то печатать. Видимо, приступил к работе.

Впрочем, Шуту тоже не стоило расслабляться. Она поднялась с места, аккуратно задвинула стул, не оставив ни следа своего присутствия, и исчезла.

Детектив обошла все магазины с париками в городе. В большинстве продавались дешёвые синтетические модели, полулысые и годные только для любительского косплея на сходку фанатов. Молодые продавцы в безразмерных толстовках все как один крутили пальцами у виска. А девушка с зелёными волосами и пирсингом в носу даже возмутилась: «Вы серьёзно что ли? Они ж стоял как самолёт! Думаете, что-то настолько дорогое привезут в наш магазинчик? Да у нас тут просто мини филиал алика!»

В двух местах, где натуральные парики всё же нашлись, продавщицы утверждали, что их не просто никто не покупал, но и даже не интересовался наличием уже несколько месяцев, потому что такое выгоднее купить через интернет.

Версии закончились. Шут осталась стоять возле витрины, бесцельно глядя на своё отражение. Голос, слышимый только ей, издевательски хохотал и отпускал язвительные комментарии. Хотелось развернуться и как следует стукнуть кулаком в бесформенное подобие лица или ткнуть пальцем в один из ехидно сверкающих алых глаз.

— Проиграешь, проиграешь! Он победит! А ты из первых рук ничего не узнаешь! Ничего тебе поиски новенького парика не дадут!

Из раздражающей бессвязной болтовни сознание выхватило две сказанные вскользь фразы. Выхватило, зацепилось за них и как будто пазл начал сам собой складываться в голове.

— Из... первых... рук? — детектив медленно-медленно перевела взгляд на тень. — Значит, из вторых узнаю? Если стану искать в другом месте?

— Что? Я ничего не говорю! — голос за плечом мгновенно смолк, тень исчезла.

— Правда, выходит. Не из первых рук. Не там искала.

Шут шагнула в сторону от витрины и оказалась перед отелом, где произошло покушение. Только глупец стал бы покупать маскировку так близко от места предполагаемого преступления, но злоумышленник совершил достаточно ошибок, чтобы признать, что он не профессионал. Да, достаточно расчётливый и предусмотрительный, он смог продумать основной план, но детали...

Первый сетевой секонд-хенд оказался буквально в паре кварталов от отеля, но там удача детективу не улыбнулась. На вопрос о том, бывают ли у них в продаже парики, продавец сразу ответил отрицательно и пояснил, что они принимают на реализацию только одежду, даже обувь и сумки отправляют в другие филиалы.

А вот во втором, спрятавшемся в полуподвальном помещении жилого дома, её встретила скучающая дородная дама средних лет с необычайно цепким взглядом чёрных глаз. Из-под яркого платка кое-где выбивались чёрные же, вовсе не тронутые сединой кудри, а широкая улыбка обнажила золотой передний зуб. Продавщица охотно подвела посетительницу к нескольким манекенам из дешевого пластика.

— Вот, то, что есть, красавица, — она обвела их широким жестом, из-за чего её могучая грудь заколыхалась под безразмерным цветастым платьем, звеня крупными бусами и браслетами. — Мне много всякого сюда тащат, я не от чего нос не ворочу. Иногда попадаются прямо-таки отличные вещи, как вон тот паричок, погляди, — она ткнула толстым пальцем в блондинистый парик с краю. — И энергетика у него хорошая, его мне девчонка из этого дома принесла после того, как от рака вылечилась. Долго она его носила, а потом поправилась, свои волосы полезли густые и красивые, всё у неё хорошо теперь!

Шут присмотрелась. Парик точно был тот самый, какой она видела на камерах: блонд, длиной ниже лопаток. Вот только почему он снова оказался здесь?

— Я могу потрогать? — осторожно уточнила она у продавщицы.

— Конечно! Можешь и потрогать, и примерить, за это денег не беру! Хотя, знаешь, зря наверное, — словоохотливая дама расхохоталась и сдёрнула парик с манекена, протягивая его возможной покупательнице. — Представляешь, давеча приходил ко мне один тощий пижон, купил его, сказал, что для своей пассии, вроде как она имидж сменить хочет, а через день опять притащился и вернуть захотел, не понравился видите ли полюбовнице паричок! Уж какую он сцену закатил, денежки назад требуя! Ор до небес стоял, но я-таки удержала с него сотню, а то ишь, жадюга, аренду бесплатную нашёл!

Руки, потянувшиеся за париком, едва заметно дрогнули. Под определение «тощий пижон» в большом городе мог попасть кто угодно, но Шуту оставалось лишь подтвердить свою догадку.

— А что за пижон? Как он выглядел? — спросила она, будто невзначай.

— Да знаешь, весь вот из себя такой! — неопределённо помахала перед собой руками продавщица, видимо, пытаясь изобразить в воздухе мужскую фигуру. Получилось скорее кривое старое дерево, но она постаралась описать: — Ну, ростом чуть меня повыше, но тощий ужасно, руки — ну, чисто кости, обтянутые кожей! Лицом приятный, молоденький парнишка. А ещё, знаешь, голосище у него такой, что ух! Глубокий такой, сильный! Он, не поверишь, даже орал красиво, я ажно заслушалась!

— Забавный кадр, — голос детектива продолжал звучать ровно, так и не сказать, что она действительно веселилась. — Я возьму этот парик. Сколько?

— Бери так, красавица, — неожиданно сказала продавщица.

Шут даже не удержала на лице маску холодного безразличия. Брови непроизвольно дёрнулись вверх, глаза распахнулись шире. А женщина перед ней тряхнула кудрями, звякнула многочисленными украшениями и пояснила:

— Бабка моя, цыганка, ведьмовала, бывало. И дар свой не дочерям, а внучкам передала. Вот и бывает, что я супротив воли кое-чего вижу. Парик этот мне без надобности, а вот тебе пригодится в скором времени. Не знаю, для чего, да только твой он, надо так. Бери.

— Благодарю...

— А вот это дело. Благо от тебя я приму. А даст-то Бог, ещё с тобой увидаемся.

Коротко кивнув, Шут покинула странный магазин. Она не просто пропала из одного места, чтобы сразу же появиться в другом, а поднялась пешком по небольшой крутой лесенке, вышла на узкий тротуар перед домом и зашагала в сторону отеля.

В голове тяжело бились мысли. Они походили на раскормленных городских голубей, которые под собственным весом почти теряют способность летать и то и дело врезаются в череп изнутри.

— Я нашла второй грех, — тихо произнесла Шут, остановившись, когда снова оказалась напротив отеля. — Осталось только принести доказательства первой. А раз прокурор сегодня идёт в суд, можно там улики и оставить...

Борис едва сдерживался, чтобы не вжать педаль газа до упора. Он раскрыл дело, оставалось только доложить и получить «добро» на арест. Следователь пытался дозвониться до Юлии Викторовны, но её телефон оказался недоступен, видимо, она ещё находилась в заседании. Тогда-то он и решил приехать в суд лично, чтобы потом не тратить времени даром.

Кое-как втиснув свою легковушку между внедорожником и небольшим сугробом, который собрал на парковке трактор, Борис поспешил в здание. Он махнул удостоверением охраннице, пулей взлетел на третий этаж и, промчавшись по коридору, остановился напротив знакомой двери. Здесь Борис сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить сердцебиение, и осторожно постучал. Если судья уже завершила заседание, то должна быть на месте.

— Войдите, — услышал он ровный голос и приоткрыл дверь.

— Простите, Елена Олеговна, — начал следователь, — а Юлия Викторовна случайно...

— А, Борис, это вы, — отозвалась сама прокурор, вертя в пальцах какую-то бумажку. — Вы очень быстро нашли преступника, должна отметить! После задержания сразу везите сюда, мы с Еленой Олеговной дождёмся, будем сразу с обвинением и с мерой пресечения выходить.

— Понял. А как вы узнали, что я вычислил преступника?

— Что значит, как я узнала? — Юлия Викторовна удивлённо выгнула одну бровь. — Вы же мне ключевую улику и записку оставили.

Она помахала исписанным листком и кивком указала на пакет для улик. Внутри лежал светлый комоч волос. Борис жестом попросил передать ему клочок бумаги и пробежал глазами по строчкам, написанным его почерком: «Преступник — певец из Чехии. Мотив — жадность, за победу в конкурсе полагается большое вознаграждение. Улика — парик, волосы из него были найдены на раме окна возле пожарной лестницы, а внутри остались волосы подозреваемого».

— Вы прекрасный следователь, Борис! Так быстро разобрались с этим делом! — губы прокурора расплылись в довольной ухмылке.

— Да уж, теперь городу ничего не светит, — Елена Олеговна тоже приподняла уголки губ в намёке на улыбку, но её взгляд остался холодным и внимательным.

Борис стоял, сжимая в руке записку. Он тоже пришёл к такому выводу, вот только парик в кабинет принёс не он. Было больно даже подумать о том, чтобы рассказать правду и отдать лавры за раскрытое преступление другому. Словно червячок какой-то обвился вокруг горла и начинал сжиматься, стоило только открыть рот.

— Байстрюченко сжуёт собственное удостоверение, когда узнает, — прокурор откинулась на спинку неудобного стула, продолжая злорадствовать.

— Я почти готова ему посочувствовать, но не стану. Хотите чаю? — судья поднялась и подошла к чайнику. — Борис, надеюсь, вы к нам присоединитесь? Хотя я очень удивилась, что вы не только оставили записку, но потом ещё и лично пришли. Это ведь вы её написали? — Карие глаза подозрительно прищурились, остановившись на следователе. Он стойко выдержал этот взгляд, приняв решение:

— Да, я, — произнёс Борис. Слова выскользнули из горла легко, ничто им не мешало. — Дополнительные факты вскрылись, хотел сразу рассказать. Но вот от чая, простите, откажусь, у меня ещё много дел.

— Позже тогда расскажете, когда все бумаги оформим, — прокурор махнула рукой. — Не хочу дать городу даже шанса заграбастать лавры себе! Немедленно арестуйте преступника!

— Так точно, будет сделано!

Кивнув на прощание, Борис быстрым шагом вышел из кабинета и скоро покинул здание суда.

Шут наблюдала за ним из окна пустующего кабинета. Она опередила следователя совсем ненадолго, провозись она чуть дольше или реши сперва переговорить с преступником, чтобы убедиться в его виновности, и Борис обошёл бы её.

А ещё хорошо, что не пришлось возиться с жадностью: её крайне сложно забрать у людей и чаще всего это не какая-то кроха вроде едва зародившейся зависти, а настоящий годами откормленный монстр. Если сразу отдать такого, то страшно даже вообразить, что он сделает с до безобразия правильным Борисом. Но крошка-жадность появился в следователе без вмешательства Шута, что её более чем устраивало.

— Когда ты поняла, что это чех? — тень появилась за левым плечом, лениво покачиваясь из стороны в сторону.

— Когда нашла парик. Продавщица особенно подчеркнула голос покупателя, выходит, было на что обратить внимание, — Шут старалась не смотреть в алые глаза, выискивающие её взгляд. — Даже обидно, что он не попытался победить честно.

— А как же алиби? У него ведь было железное алиби: он болел в баре за любимую команду.

— Да, алиби было безупречным. Никто ведь не будет пересчитывать по головам всех фанатов каждые несколько минут. Они одеты одинаково, в помещении темно, на камере почти не различить, кто есть кто. Поэтому так легко выскользнуть на улицу, добраться до пожарной лестницы, совершить убийство и снова вернуться в бар.

— Но ты всё поняла, как?

— Ты ведь и сам прекрасно знаешь, — Шут устало вздохнула. — Его подвела жадность. Если бы он сжёг парик, то доказать его причастность стало бы почти невозможно. Грех ведёт меня к преступнику, он рушит даже самый тщательно продуманный план.

Шут провела пальцами по стеклу. Похоже, конкурс состоится с изрядно поредевшим составом фаворитов. Даст ли это шанс кому-то из отстающих вырваться вперёд или же просто станет безоговорочной победой единственного оставшегося фаворита? Этого она не знала, да и не особо интересовалась. Дело раскрыто, она ещё на шаг ближе к своей главной цели.

— Ловко ты раскусила трюк с переодеванием, признаться, даже я впечатлён, — хмыкнула отражающаяся в стекле тень, удовлетворённо щуя алые глаза.

— Я ведь и сама переодета, — неожиданно даже для самой себя отозвалась Шут.

— Что?! Что ты сказала? — тень взвилась, став на несколько мгновений гигантской, заполнив собой всю комнату.

— Я переодета, — уже гораздо увереннее повторила детектив. — Образ, который я вижу в отражении... это ведь ты его создал. На самом деле я выгляжу совершенно иначе. Какая я?

— Без разницы! Не имеет никакого значения, как ты выглядишь! Ты лишь мой Шут, твой единственный смысл — говорить правду! Ошибёшься, и я заберу у тебя всё!

— Я уже назвала преступника, — жёстко припечатала Шут. — Два греха из семи, когда я соревнуюсь с идеальным следователем — неплохо же, правда?

— Неплохо? — тень зло захохотала. — Мы только начали нашу игру! Скоро тебя ждёт новое дело, мой Шут!

Гнев

Каждое утро Борис начинал с медитации. Чистый разум и размеренное дыхание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.